

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ GOODREADS CHOICE

М Э Р И
К У Б И К А
МИЛАЯ
ДЕВОЧКА

Вызывает негодование, пленяет,
пугает и... дарит надежду.

Chicago Tribune

БЕСТСЕЛЛЕР ПО ВЕРСИИ NEW YORK TIMES И USA TODAY

Мэри Кубика
Милая девочка

«Центрполиграф»

2014

УДК 821.111-31
ББК 84(7Сое)

Кубика М.

Милая девочка / М. Кубика — «Центрполиграф», 2014

В роскошном особняке на берегу озера Мичиган разыгралась трагедия: пропала одна из дочерей судьи Деннета, двадцатипятилетняя Мия. Немного замкнутая, но очень милая девочка. Друзья и коллеги по школе, где Мия преподает рисование, понятия не имеют, где она. Детектив Гейб Хоффман прикладывает все силы, чтобы найти девушку, и вскоре приходит к выводу, что ее похитили. Однако планы преступников кто-то нарушил, и потому условия выкупа остаются неизвестными. Проницательный детектив отмечает неуместную хладнокровность Джеймса Деннета – авторитетный судья обеспокоен скорее шумихой вокруг своего имени, чем судьбой дочери. Это наводит Хоффмана на мысль о его причастности к похищению. Так ли это на самом деле, знает только сама Мия, но даже после того, как дочь Деннетов обнаружили в заброшенной лесной хижине, следствие не сдвинулось с мертвой точки. Тяжелая амнезия стерла из памяти Мии события той страшной ночи, когда она не вернулась домой...

УДК 821.111-31
ББК 84(7Сое)

© Кубика М., 2014
© Центрполиграф, 2014

Содержание

Ева. До	6
Гейб. До	8
Ева. После	12
Гейб. До	15
Ева. После	18
Гейб. До	20
Колин. До	23
Ева. После	25
Колин. До	27
Гейб. После	29
Колин. До	32
Ева. После	36
Колин. До	38
Ева. После	42
Колин. До	47
Гейб. До	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Мэри Кубика Милая девочка

The Good Girl

Copyright © 2014 by Mary Kyrychenko

«Милая девочка»

© ЗАО «Издательство

Центрполиграф», 2016

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

* * *

Посвящается А & А

Ева. До

Телефон звонит, когда я потягиваю какао в укромном уголке кухни. Растерявшись на мгновение, смотрю в окно на задний двор, который сейчас, в пору ранней осени, укрыт листьями. Большинство уже безнадежно мертвы и прибиты к земле, но некоторые все еще цепляются за жизнь, покачиваясь на ветвях деревьев. Давно перевалило за полдень. Небо затянуто серыми тучами, все сильнее и сильнее холодает. К этому я не готова и часто задаюсь вопросом, куда спешит время. Кажется, только вчера мы встречали весну, а мгновения спустя – лето.

Телефон поражает меня настойчивостью. Прихожу к выводу, что это какой-нибудь продавец товаров по телефону, поэтому не делаю попытки приблизиться к аппарату. Я наслаждаюсь последними часами тишины перед появлением Джеймса, который, грохнув дверями, скоро ворвется в мой мир, и никакой коробейник не заставит меня отказаться от этого.

Раздражающая трескотня телефона обрывается и начинается вновь. Придется ответить лишь для того, чтобы заставить его замолчать.

– Слушаю, – произношу я с досадой в голосе, стоя посреди кухни, прижавшись бедром к столу.

– Миссис Деннет? – спрашивает девушка, и у меня появляется желание сказать, что она ошиблась номером, или просто повесить трубку.

– Да, это я.

– Миссис Деннет, я Айана Джексон. – Имя мне знакомо, но его обладательницу я никогда не встречала. Знаю лишь, что она присутствует в жизни Мии уже больше года. Сколько раз мне приходилось слышать, как Мия сообщает, что они с Айаной делали то, потом это... Затем девушка объясняет, как они с Мией познакомились, что преподают в одной экспериментальной школе. – Надеюсь, я не очень вам помешала, – добавляет она.

– Нет-нет, Айана. – С трудом перевожу дыхание и неожиданно лгу: – Я только вошла.

Через месяц Мии исполнится двадцать пять. 31 октября. Она родилась в Хеллоуин, можно предположить, что Айана позвонила поговорить именно об этом. Она хочет устроить вечеринку – волшебную вечеринку – для моей дочери?

– Миссис Деннет, Мия сегодня не вышла на работу.

Это совсем не то, что я ожидала услышать. Мне требуется несколько мгновений, чтобы перестроиться.

– Ну, может, она заболела, – отвечаю я.

Мое первое и единственное желание – защитить дочь, найти оправдание ее прогулу и нежеланию даже предупредить об отсутствии. Да, моя дочь человек своевольный, но ответственный.

– Она вам не звонила?

– Нет, – говорю я, и в этом нет ничего необычного. Порой мы не разговариваем по несколько дней, даже недель. С момента изобретения электронной почты мы перешли на необременительный стиль общения по переписке.

– Я звонила ей на домашний, но никто не ответил.

– Ты оставила сообщение?

– И не одно.

– И она не перезвонила?

– Нет.

Едва прислушиваясь к словам девушки на том конце провода, я наблюдаю через окно за соседскими детьми, увлеченно трясущими дерево, с которого вяло опадают последние листья. Поведение детей стало для меня отсчетом времени: если они появились во дворе, значит, занятия в школе окончены и день катится к вечеру. Скоро они уйдут, а это время готовить ужин.

- У нее есть мобильный.
- Там автоответчик.
- И ты...
- Да, оставила сообщение.
- А ты уверена, что она не звонила на работу?
- Секретарша с ней не разговаривала.

Я волнуюсь, что у Мии будут неприятности. Переживаю: вдруг ее уволят. Внезапно мне приходит в голову, что дочь могла попасть в беду.

- Надеюсь, это не повлечет за собой слишком серьезных проблем.

Айана терпеливо объясняет, что дети, чей урок она пропустила первым, никому не рассказали об отсутствии учителя, и лишь во время второго урока стало ясно, что мисс Деннет не появилась и ее никто не заменяет. Директор лично спустилась в класс, чтобы навести порядок и вызвать учителя на подмену. К этому моменту стены, любовно украшенные Мией красивыми картинками, купленными на собственные деньги, уже пестрели разными надписями.

- Миссис Деннет, ситуация не кажется вам странной? Это не похоже на Мию.
- О, Айана, не сомневаюсь, у дочери есть достойное оправдание.
- Например?
- Я позвоню в больницу. В районе их несколько...
- Я уже их обзвонила.

– Тогда свяжусь с друзьями, – нахожусь я, хотя не знаю ни одного знакомого дочери. Я мельком слышала имена, например Айана и Лорен, знаю о существовании некоего Зимбабве, которого должны выслать из-за проблем со студенческой визой, что Мия считает совершенно возмутительным. Лично я ни с кем не знакома, да и номера телефонов найти весьма проблематично.

- Я со всеми разговаривала.

– Она обязательно появится, Айана. Произошло какое-то недоразумение. Тому может быть миллион причин.

- Миссис Деннет...

Она произносит это таким тоном, что я сразу понимаю: что-то произошло. Такое ощущение, будто меня ударили в живот, сразу вспоминается седьмой-восьмой месяц беременности, когда Мия толкалась изнутри так, что под кожей четко вырисовывалась форма то ноги, то руки. Придвинув табурет, я усаживаюсь и думаю лишь о том, что, прежде чем я что-то услышу, у меня еще есть время думать о том, что дочери скоро двадцать пять и мне предстоит выбрать ей подарок. Мы не будем приглашать гостей, а все вместе, Мия, Джеймс и Грейс, отправимся на ужин в изысканный ресторан в городе.

- Что ты предлагаешь? – интересуюсь я.

Девушка вздыхает в трубку:

- Я надеялась, вы скажете мне, что Мия у вас.

Гейб. До

До дому добираюсь уже в темноте. Свет льется из окон особняка в стиле Тюдоров на кроны деревьев на аллее. Я вижу, что внутри движутся люди, собравшиеся в ожидании меня. Из угла в угол ходит судья, миссис Деннет присела на диван и подносит к губам стакан, кажется с чем-то алкогольным. Полицейский в форме, в стороне еще одна женщина, брюнетка, всматривается в окно, заставляя меня притормозить и отложить появление.

Деннеты – обычная семья, таких много на северном побережье Чикаго. Чертовы богачи. Неудивительно, что я медлю и сижу в машине перед огромным старым домом. Я думаю о словах сержанта, сказанных при передаче мне дела: «Не вздумай облажаться и все провалить к чертовой матери!»

Сгорбившись, не желая выбираться из теплого, безопасного нутра автомобиля, я рассматриваю величественный особняк. Снаружи он выглядит не так помпезно, как, предполагая, будет выглядеть внутри. Однако в нем есть то очарование, которое представляет миру старина-англичанин Тюдор: деревянные рамы, разделяющие окно на узкие секции, крутой наклон крыши. Он напоминает мне средневековые замки. Меня просили сохранить все в тайне, но, услышав приказ сержанта взять это деликатное дело, я почувствовал себя избранным. И все же понимаю, что по многим причинам это не так.

Пересекаю лужайку и прохожу по мощеной дорожке к двум ступенькам, ведущим к входной двери. Холодно. Я стучу и засовываю руки в карманы, чтобы согреться. Жду. Рядом с этим домом я чувствую себя нелепо в простой повседневной одежде – штанах хаки и футболке поло под кожаной курткой, – ведь мне доведется предстать перед одним из самых влиятельных судей в округе.

– Судья Деннет, – произношу я, проходя внутрь, и веду себя так, словно наделен большими полномочиями, чем даю понять. На поверхность вырывается уверенность в себе, припрятанная где-то очень глубоко именно для таких моментов.

Судья Деннет человек значительный и по фигуре, и по данной ему власти. Малейший промах, и я останусь без работы, и это при самом благоприятном развитии событий. Из кресла поднимается миссис Деннет. Я обращаюсь к ней, придавая голосу самые изысканные, на мой взгляд, интонации:

– Присаживайтесь, прошу вас.

В конце виднеющегося в проеме коридора появляется молодая женщина, и на основании предварительной работы я делаю вывод, что это Грейс Деннет, ей, возможно, около тридцати или чуть за тридцать.

– Детектив Гейб Хоффман, – представляюсь я без намека на любезность, которая могла быть вполне ожидаема. На моем лице нет улыбки, рука не поднимается для рукопожатия.

Девушка подтверждает, что она и есть Грейс Деннет, старший партнер в юридической фирме «Далтон и Мейер». Доверившись интуиции, я уже знаю, что она не вызывает во мне симпатию; меня коробит окружающая ее аура превосходства над всем миром и взгляд свысока на мою рабочую одежду, а цинизм в голосе вызывает нервную дрожь.

Первой заговаривает миссис Деннет. У нее еще сохранился сильный британский акцент, хотя мне известно из бегло просмотренных биографий присутствующих, что она приехала в Штаты в возрасте восемнадцати лет. На мой взгляд, она в панике. Высокие интонации голоса близки к истеричным, пальцы теребят все, что появляется в поле досягаемости.

– Моя дочь пропала, детектив, – сообщает она. – Ее друзья не знают, где она. Я звонила ей на мобильный. Оставляла сообщения. – Давясь словами, она на некоторое время замолкает, изо всех сил стараясь не расплакаться. – Я ездила к ней. – Она поджимает губы и признается: – Пришлось проделать такой путь, но хозяйка дома не позволила мне войти.

Миссис Деннет – необыкновенная женщина. Я не могу отвести глаз от ее светлых волос, волнами падающих с плеч и прикрывающих кончиками небольшой вырез черной рубашки. Я видел фотографию Евы Деннет рядом с мужем у здания суда, но она и в малой степени не передает то, какова эта женщина на самом деле.

– Когда вы разговаривали с ней последний раз? – спрашиваю я.

– На прошлой неделе, – отвечает мне судья.

– Не на прошлой, Джеймс, – произносит Ева. Она выдерживает взгляд мужа, недовольного тем, что его перебили, и продолжает: – Две недели назад. А возможно, и три. Таковы наши отношения с Мией. Мы неделями обходимся без общения.

– Значит, в этом нет ничего необычного? – уточняю я. – От нее неделями нет вестей.

– Именно так, – признается миссис Деннет.

– А вы, Грейс?

– Мы разговаривали на прошлой неделе. Недолго. Полагаю, в среду. Возможно, в четверг. Да, именно в четверг. Она позвонила, когда я подходила к зданию суда, спешила на слушание дела. – Она произносит это так, словно я знаю, что она адвокат. Можно подумать, об этом должны сообщать пиджак в тонкую полоску и кожаный портфель, прислоненный к ножке кресла.

– Вы не заметили ничего подозрительного?

– Мия всегда остается Мией.

– Что это значит?

– Гейб... – перебивает ее судья.

– Детектив Хоффман, – поправляю я официальным тоном. Если я вынужден обращаться к нему судья, то для него я детектив.

– Мия человек крайне независимый. Я бы сказал, она действует в такт с собственными ритмами.

– Получается, о вашей дочери ничего не известно с четверга?

– Подруга разговаривала с ней вчера, ее видели на работе.

– В котором часу?

– Не имею представления... В три часа дня, полагаю.

Смотрю на часы.

– Итак, это двадцать семь часов.

– Верно ли, что ее можно считать пропавшей без вести лишь по истечении сорока восьми часов? – нервно интересуется миссис Деннет.

– Разумеется, нет, Ева, – угрожающим тоном отвечает ей муж.

– Нет, мэм, – говорю я с подчеркнутой любезностью. Мне не нравится манера судьи давить на жену. – На самом деле первые сорок восемь часов наиболее важные в деле поиска пропавшего без вести человека.

Кажется, судья подпрыгивает на месте.

– Моя дочь не является пропавшей без вести. Нам просто пока неизвестно, куда она пошла. Ей не присущи халатность и безответственность. Она не пропала.

– Ваша честь, кто последний видел вашу дочь, прежде чем она... – Я умен, поэтому заканчиваю так: – Куда-то ушла?

Отвечает мне миссис Деннет:

– Девушка по имени Айана Джексон. Она коллега Мии.

– У вас есть возможность с ней связаться?

– Номер телефона на листочке в кухне.

Я поворачиваюсь к одному из офицеров и киваю.

– Такое случалось с вашей дочерью раньше?

– Нет же, разумеется, нет.

Однако язык тела судьи и Грейс говорит об обратном.

– Это неправда, мама, – с упреком произносит Грейс. Смотрю на нее выжидающе. Адвокаты, как известно, любят говорить сами. – Мия пять или шесть раз убежала из дома. Проводила ночь бог знает где и бог знает с кем.

«Да, – думаю я, – а ведь Грейс Деннет та еще стерва». У девушки темные волосы, как у отца, его же телосложение, но рост матери. Определенно она взяла от родителей не самое лучшее. Такую фигуру называют песочные часы, я бы мог так сказать, если бы мне нравились ее формы. Сейчас я про себя назвал Грейс толстушкой.

– Это совсем не одно и то же. Тогда она училась в школе. Она была немного наивной и озорной, но...

– Ева, прошу, не придавай этому больше значения, чем следует, – перебивает жену судья Деннет.

– Мия употребляет спиртные напитки? – интересуюсь я.

– Иногда, – кивает миссис Деннет.

– Откуда вам знать, Ева? Вы ведь не часто общались с дочерью.

Она поднимает руку и прикрывает лицо. На мгновение я впадаю в ступор от размера камня в ее перстне и даже не слышу объяснения судьи о том, как в его отсутствие жена зачем-то позвонила Эдди. Невольно отмечаю, что он считает возможным не только называть моего начальника по имени, но позволяет себе использовать это имя в уменьшительной форме.

Похоже, судья Деннет убежден, что с его дочерью все в порядке и в расследовании нет необходимости.

– Вы полагаете, полиции не стоит вмешиваться?

– Совершенно верно. Это дело семейное.

– А что можете сказать о трудовой деятельности Мии?

– Простите? – Судья вскидывает брови, на лбу появляются поперечные морщинки, и он принимается тереть их пальцами, чтобы избавиться, как от неуместных докучливых обстоятельств.

– Как у нее с работой? Есть ли нарекания? Случались ли прогулы раньше? Например, сказывалась она больной, будучи здоровой?

– Понятия не имею. Она работает. Получает жалованье. Сама себя обеспечивает. Вопросы я не задавал.

– Миссис Деннет?

– Она любит свою работу. Просто любит. Она всегда мечтала преподавать.

Мия учитель рисования в старших классах. Быстро делаю пометку в блокноте.

Разумеется, судья желает знать, может ли это быть важным.

– Все возможно, – отвечаю я.

– И по какой причине?

– Ваша честь, я лишь пытаюсь понять, какой человек ваша дочь. Разобраться в ее характере. Вот и все.

Миссис Деннет готова разрыдаться. Огромные голубые глаза краснеют, становятся влажными, она трогательно пытается смахнуть первые слезинки.

– Вы думаете, с Мией что-то случилось?

«А разве вы не по этой причине меня сюда вызвали? Вы сами поняли: с ней что-то неладно».

– Полагаю, нам лучше действовать и молиться, чтобы позже выяснилось, что это всего лишь недоразумение. Надеюсь, с ней все в порядке, но я не имею права оставить это дело, даже не занявшись им. Я не прошу себе, если, не дай бог, окажется, что проблемы все же были. Скажите, как долго Мия живет отдельно?

– Семь лет и тридцать дней, – мгновенно отвечает миссис Деннет.

– Вы считаете? – Я шокирован. – Считаете даже дни?

– Ей тогда только исполнилось восемнадцать. Она с нетерпением ждала, когда съедет отсюда.

Неудивительно. Мне самому не терпится убраться из этого дома.

– Где она живет сейчас?

– У нее квартира в городе, – отзывается судья. – Недалеко от Кларк и Эдисон.

Я заядлый фанат «Чикаго кабз», и мне этот факт кажется любопытным. Стоит услышать «Кларк и Эдисон», и у меня тут же ушки на макушке, как у голодного щенка.

– Ригливилль. Хорошее место. Спокойное.

– Я дам вам адрес, – предлагает миссис Деннет.

– Необходимо все проверить, если вы не возражаете. Возможно, в доме разбиты окна или имеют место другие следы незаконного проникновения.

Голос Евы дрожит, но она спрашивает:

– Думаете, кто-то мог забраться в квартиру Мии?

– Я должен все проверить, миссис Деннет, – стараюсь ее успокоить. – В доме есть консьерж?

– Нет.

– Охрана? Камеры?

– Откуда нам знать, – не выдерживает судья.

– Вы не бываете в гостях у дочери?! – восклицаю я, прежде чем успеваю себя остановить, и замолкаю, все же надеясь дожждаться ответа, которого так и не последовало.

Ева. После

Застегиваю молнию на ее куртке, надеваю на голову капюшон, и мы вместе выходим на улицу, туда, где бушует бескомпромиссный чикагский ветер.

– Нам надо спешить, – говорю я, и она кивает, хотя не спрашивает почему.

На пути к внедорожнику Джеймса, оставленному в полусотне футов от дома, ветер едва не сбивает нас с ног. Поддерживая ее под локоть, я думаю лишь о том, что, стоит одной из нас упасть, как мы рухнем вместе. За четыре дня, прошедшие с Рождества, стоянка покрылась льдом. Я готова сделать все, чтобы защитить ее от ветра и холода, я обнимаю ее за талию и прижимаю к себе, хотя понимаю, что мне, гораздо более хрупкой, чем она, не справиться с этой задачей.

– На следующей неделе мы вернемся, – говорю я в спину Мии и карабкаюсь на пассажирское сиденье.

Неожиданно громко хлопают двери, щелчки ремней безопасности оглушают, радио рывается, двигатель работает в этот горький день словно на пределе возможностей. Мия вздрагивает, и я прошу Джеймса выключить радио. Мия устраивается сзади и смотрит в окно. Нас окружили три машины, похожие на хищных акул, следующих за вожденной добычей. Один из водителей поднимает и направляет на нас камеру. Раздается характерный звук.

– Черт, скажите на милость, где эти копы, когда они так нужны? – спрашивает Джеймс, впрочем не обращаясь ни к кому конкретно.

Сбоку опять мелькает вспышка фотоаппарата, и Мия наклоняется, закрыв уши руками, словно оберегая себя от страшного звука. Треск затворов фотоаппаратов следует один за другим. Трубы машин выбрасывают в серый воздух сизые клубы дыма.

Мия поднимает на меня глаза, понимая, что я обращаюсь к ней.

– Ты слышишь, Мия? – спрашиваю я, стараясь говорить ласково.

Она мотает головой, и мне кажется, я вижу, как роятся в ее голове мысли: «Хлоя. Меня зовут Хлоя».

Ее голубые глаза вглядываются в мои, красные и опухшие. Теперь, после возвращения Мии, они всегда такие. Впрочем, присутствие Джеймса подсказывает мне, что необходимо сохранять спокойствие. Изо всех сил стараюсь понять смысл происходящего, зафиксировать на лице улыбку, почти искреннюю, потому что в голове крутится одна фраза: «Как я счастлива, что ты дома».

Отодвигаюсь в сторону, чтобы обеспечить больше свободного пространства дочери, не вполне понимая, сколько ей нужно, не хочу нарушать границы. Ее недуг уловим в каждом жесте, выражении лица, в том, как она стоит, в ее облике больше нет уверенности, присущей той Мии, которую я знала. Я понимаю: с ней случилось что-то страшное.

Интересно, понимает ли она, что пережила я?

Мия отворачивается.

– На следующей неделе у нас прием у доктора Родос. – Она кивает вместо ответа. – Во вторник.

– В котором часу? – спрашивает Джеймс.

– В час.

Одной рукой он берет свой смартфон, листает и сообщает, что мне придется одной сопровождать Мию. Объясняет, что в это время у него суд. Утверждает, что я, несомненно, справлюсь с этой задачей. Я соглашаюсь, но, наклонившись вперед, шепчу ему на ухо:

– Ты сейчас ей необходим. Ты ведь отец.

Я напоминаю Джеймсу о том, как мы договорились действовать, что он давал слово. Он морщится и обещает что-то придумать, но сомнения тяжелыми думами оседают в моей голове.

Джеймс уверен, что плотный график работы освобождает его от обязанностей перед семьей даже в такие кризисные моменты, как этот.

Рядом со мной на заднем сиденье Мия смотрит в окно, наблюдая, как мы мчимся из города по шоссе Ай-94. Сейчас половина четвертого, пятница. Новогодние выходные, и движение весьма интенсивное. Впереди затор, мы движемся как черепахи, не более тридцати миль в час по автомагистрали. У Джеймса не хватает терпения. Он напряженно вглядывается в зеркало заднего вида, ожидая появления папарацци.

– Итак, Мия, – заговаривает он с дочерью, чтобы скоротать время, – эта мозгоправша сказала, что у тебя амнезия.

– О, Джеймс, – молю я, – только не сейчас.

Однако муж не намерен ждать. Ему не терпится добраться до сути. Мия уже неделю живет в нашем доме со мной и Джеймсом, поскольку не готова отправиться в свою квартиру.

Я вспоминаю тот день перед Рождеством, когда устало урчащая машина въехала во двор нашего дома и привезла Мию. Помню, как Джеймс, почти всегда немного отстраненный от действительности, первым вышел встретить ее на заснеженное крыльцо, словно это он, а не я, провел несколько месяцев в трауре. С тех пор я наблюдаю, как Мия, постепенно приходя в себя, но оставаясь словно в каменном коконе, все больше раздражает Джеймса. Он относится к ней как к дополнительной рабочей нагрузке, а не к родной дочери.

– И когда же?

– Позже. И еще, эта женщина врач, Джеймс. Психиатр. Она не мозгоправ.

– Хорошо. Мия, психиатр сказала, что у тебя амнезия, – повторяет он, тщетно ожидая ответа. Он находит ее лицо в зеркале заднего вида, и оно попадает в цепкий плен карих глаз. Она изо всех сил старается не поворачиваться, затем медленно переводит взгляд на пальцы рук и разглядывает мелкие царапины. – Ничего не хочешь сказать? – не унимается Джеймс.

– Она и мне сказала то же самое, – звучит ответ, и я вспоминаю слова доктора, сидящего передо мной и Джеймсом в кабинете клиники.

Мия была отправлена в комнату для посетителей, просматривать устаревшие журналы мод, давая нам возможность прослушать краткий курс об остром стрессовом расстройстве. Я тогда думала о несчастных ветеранах Вьетнама.

Я вздыхаю. Джеймс никак не может принять тот факт, что из памяти может что-то бесследно исчезнуть.

– И как же это происходит? Ты помнишь, что я твой папа, это твоя мама, но считаешь, что тебя зовут Хлоя. Ты помнишь, сколько тебе лет, где ты живешь, но не имеешь представления, кто такой Колин Тэтчер. Ты в самом деле не помнишь, где провела все эти три месяца?

Я выпрямляюсь, готовясь встать на защиту дочери.

– Это называется селективная амнезия, Джеймс.

– Хочешь сказать, она сама выбирает, что ей помнить?

– Это работа подсознания. Оно прячет самые болезненные воспоминания туда, где их сложно отыскать. Мия не сама так решила. Мозг помогает ей справиться.

– С чем справиться?

– Со всем, Джеймс. Со всем, что с ней случилось.

Он хочет знать, как это исправить. Я и сама не знаю наверняка, но решаюсь предположить:

– Думаю, поможет время. Лекарства. Специальные методики. Возможно, гипноз.

Он усмехается – считает гипноз такой же глупостью, как и амнезия.

– Какие лекарства?

– Антидепрессанты, Джеймс, – отвечаю я, поворачиваюсь к дочери и беру ее за руку.

Возможно, память никогда к ней не вернется, и это будет неплохо. Несколько мгновений я люблюсь ею, почти точной моей копией. Только Мия немного выше ростом и намного

моложе, от морщин и седины в волосах ее отделяют годы, в отличие от меня, в чьей светлой копне там и тут мелькают серебристые пряди.

– Как антидепрессанты помогут ей все вспомнить?

– Они улучшат ее самочувствие.

Он привык откровенно высказывать свои мысли. Это один из недостатков Джеймса.

– Черт, Ева, если она не сможет вспомнить, значит, все было очень плохо?

Мы оба отводим взгляд. Разговор можно считать окончанным.

Гейб. До

Школа, в которой преподает Мия, расположена в северной части Чикаго, в районе под названием Север-Сентр. Это относительно спокойное место, недалеко от ее дома, населенное преимущественно чернокожими, с ценами на месячную аренду в пределах тысячи долларов. Все это ее устраивает. Если бы она работала в Энглвуде, я бы больше волновался. Цель школы – дать учащимся необходимое среднее образование. Есть возможность получить профессиональные навыки, обучиться владению компьютером, усвоить основные жизненные принципы и так далее. Прибавьте уроки Мии Деннет по искусству. Она стремится привить ученикам вкус, что выходит за рамки традиционной школьной программы, направленной на более детальное изучение математики и прочих наук, на которые наплевать далеко не идеальным шестнадцатилетним подросткам.

С Айаной Джексон я должен встретиться в кабинете, и мне приходится добрых пятнадцать минут ждать, сидя на неудобном школьном стуле, когда она закончит урок. Это дается мне не совсем легко. Конечно, на моем животе уже нет «кубиков», как в былые времена, но мне хочется верить, что я еще способен выдержать дополнительную нагрузку.

Секретарша не сводит с меня взгляда, под которым я ощущаю себя школьником, вызванным на разговор к директору. Это напоминает мне о том, что когда-то я не раз оказывался в такой ситуации.

– Вы разыскиваете Мию? – интересуется она, стоит мне назваться детективом Хоффманом.

Признаюсь, что так и есть. Прошло уже четыре дня, как никто не видел эту женщину, и ее все же признали, к огорчению судьи, пропавшей без вести. Об этом сообщали в газетах и новостях, и я который день просыпаюсь с мыслью, что сегодня найду мисс Деннет и стану героем.

– Когда вы последний раз видели Мию?

– Во вторник.

– Где?

– Здесь.

Мы проходим в класс, и Айана – она умоляет меня не называть ее мисс Джексон – предлагает мне сесть на один из ужасных пластиковых стульев у изуродованной рисунками парты.

– Как давно вы знакомы с Мией?

Айана опускается в кожаное учительское кресло, и я ощущаю себя мальчишкой, хотя выше ее на целый фут. Она закидывает одну длинную ногу на другую, и черная юбка приоткрывает их еще больше.

– Три года. Столько, сколько она здесь работает.

– Мия со всеми ладит? С учениками? Коллегами?

Она решительно вскидывает голову:

– Мия ни с кем не общается.

Айана начинает рассказ о Мии. Вспоминает о том, как она впервые появилась в экспериментальной школе, о том, что вела себя с учениками так, словно сама выросла на улицах Чикаго, отмечает ее природную грацию.

Объясняет, как Мия организовала сбор средств на нужды школы.

– Вам бы в голову не пришло, что она Деннет.

По словам мисс Джексон, многие новые учителя долго не выдерживают в этой образовательной системе. Большинство специалистов воспринимают экспериментальную школу лишь временным местом, до появления более привлекательного варианта. Однако Мия была не такой.

– Это именно та работа, которую она всегда хотела выполнять. Позвольте мне кое-что вам показать.

Она достает кипу листов из лотка с бумагами. Обойдя стол, садится рядом со мной и кладет перед собой пачку. Первое, что я вижу, – исписанный листок с множеством исправлений и помарок, он выглядит даже хуже, чем мои собственные школьные работы.

– Сегодня утром я читала работы учеников, – объясняет она, пока я просматриваю записи, в которых имя *мисс Деннет* встречается чаще, чем можно ожидать. – Они пишутся еженедельно. На этот раз темой были планы на будущее, после окончания школы.

Несколько минут я размышляю, перебирая листы и почти в каждой работе через строчку натываясь на имя мисс Деннет.

– Девяносто девять процентов учащихся думают только о Мии, – заключает Айана. Лицо омрачает уныние, видимо, и она слишком часто думает о ней.

– У Мии были разногласия или проблемы с кем-то из учеников? – спрашиваю я, чтобы удостовериться наверняка; впрочем, ответ мне ясен уже до того, как моя собеседница качает головой. – А как насчет ее друга?

– Ну, если его можно так назвать. Его зовут Джейсон, фамилия мне неизвестна. Они встречались несколько недель, может, месяц, так, ничего серьезного.

Делаю записи. Деннеты и словом не обмолвились, что у дочери был мужчина. Могли они не знать? Разумеется, могли. Как я начинаю понимать, в семье Деннет всякое возможно.

– Вы знаете, как с ним связаться?

– Он архитектор. Работает в какой-то фирме на Уобаш. Они встречались по пятницам, во время «счастливого часа» в баре. Не знаю, может, на Уэкер. Где-то у реки.

Пойди туда, не знаю куда. Что ж, мне в любом случае придется идти. Эту информацию я тоже заносу в свой желтый блокнот.

Наличие у Мии неизвестного друга для меня важная новость. В подобных случаях мужчина почти всегда причастен к исчезновению. Найду Джейсона, найду и Мию. Или то, что от нее осталось. Учитывая, что о ней нет вестей на протяжении уже четырех дней, я начинаю склоняться к тому, что конец у этой истории не будет счастливым. Джейсон работает где-то у реки Чикаго – плохая новость. Одному богу известно, сколько трупов ежегодно сбрасывается в ее воды. Он архитектор, а значит, умен, способен решать проблемы любой сложности, ему вполне под силу найти способ столкнуть тело весом в сто двадцать фунтов так, чтобы это никто не заметил.

– Раз Мия и Джейсон встречались, – продолжаю я, – не кажется ли вам странным, что он ее не разыскивает?

– Полагаете, он может быть причастен?

Пожимаю плечами:

– Если у меня есть девушка и я не разговаривал с ней четыре дня, я невольно стану волноваться.

– Верно, – соглашается Айана, встает и начинает стирать с доски. На безупречно черной юбке появляются белые крошки. – Деннетам он тоже не звонил?

– Мистер и миссис Деннет не предполагают, что у дочери есть мужчина. Они уверены, что она одинока.

– Мия не очень близка с родителями. У них определенные... идеологические разногласия.

– Я уже понял.

– Не думаю, что она стала бы делиться с ними личным.

Разговор уходит в сторону, поэтому я стараюсь вернуть Айану к нужной теме.

– Но ведь вы близкие подруги. – Она сама так сказала. – С вами Мия делится всем?

– Полагаю, да.

– Что она рассказывала о Джейсоне?

Айана возвращается к столу и садится, на этот раз на его край. Разглядывает часы на стене, отряхивая руки. Она размышляет над моим вопросом.

– Это не могло продлиться долго. – Она пытается подобрать верные слова. – У Мии не так часто случались с кем-то отношения, и никогда ничего серьезного. Она не любит быть к кому-то привязанной. Зависимой. Она человек свобододолюбивый. Пожалуй, даже слишком.

– А Джейсон был... навязчивым? Нуждающимся в ней?

Девушка качает головой:

– Нет, все не так, просто он не тот единственный. Она не светилась, когда говорила о нем. Не рассказывала об их знакомстве, так, как обычно девочки говорят о чем-то значимом в их жизни. Мне приходилось подталкивать ее, и это было похоже на констатацию факта: ужинали, смотрели кино... Я знаю, у него проблемы с пунктуальностью, он вечно опаздывал или забывал о встречах, что страшно раздражало Мию. Она не собиралась подстраиваться под его график. Если отношения таковы в первый месяц, долго они не продлятся.

– Может, Мия собиралась с ним расстаться?

– Не знаю.

– Но ведь она несчастлива с ним?

– Не могу сказать, что она несчастлива. Скорее ей все равно, как у них сложится в дальнейшем.

– Но откуда вам знать, что Джейсон испытывает те же чувства?

Айана ничего об этом не знает. Видимо, Мия нечасто рассказывала о друге, даже не поделилась деталями: фамилия, рост, вес, цвет глаз и волос. Мия никогда не упоминала, что они целовались и при этом у нее в животе трепетали бабочки – слова Айаны, не мои, – как бывает при встрече с мужчиной мечты. Мия расстраивалась, когда Джейсон не являлся на свидания, что, если верить Айане, происходило довольно часто, и не испытывала восторга от предстоящей, например, прогулки по реке.

– Как вы объясните ее равнодушие? Отсутствие интереса к Джейсону, к их отношениям, ко всему?

– Мия ждет, когда в ее жизни появится кто-то стоящий.

– Они часто ссорятся?

– Мне об этом неизвестно.

– Но ведь Мия поделилась бы с вами проблемами?

– Хотелось бы верить, что да. – Глаза Айаны стали грустными.

Раздался звонок, в коридоре послышались шаги. Айана Джексон встала, что стало для меня знаком к завершению беседы. Я оставляю ей визитку и прошу звонить, если она вспомнит что-то важное.

Ева. После

Я вижу их уже с лестницы – у дома собрались бригады различных новостных каналов. Они толпятся, дрожа от холода, но не расстаются с камерами и микрофонами. Я замечаю Тэмми Палмер с местного телеканала, одетую в тренч цвета хаки и высокие сапоги. Она стоит ко мне спиной, мужчина перед ней вытянул руку и выбрасывает пальцы – *три... два...* – это знак для Тэмми, что скоро они будут в эфире. «Я нахожусь у дома Мии Деннет...»

Я слышу это уже не первый раз, репортеры давно собираются на нашей лужайке. Постепенно их становится меньше, многие переключались на другие темы: закон об однополых браках и плачевное состояние экономики. После возвращения Мии они разбивают на лужайке настоящий лагерь, в надежде увидеть пострадавшую женщину или узнать нечто сенсационное, что можно сразу превратить в громкий заголовок. Они следовали за нами по пятам по всему городу до тех пор, пока мы не приняли решение не выпускать Мию из дому. На стоянке появились незнакомые машины, в окнах которых мелькают объективы фотоаппаратов, и сидят люди, желающие превратить дочь в источник наживы.

Я плотно задергиваю гардину и поворачиваюсь к сидящей за кухонным столом Мии. Спускаясь по лестнице, я обратила внимание, что она погружена в собственный мир, в который я сейчас бесцеремонно вторгаюсь. На ней потрепанные джинсы и синяя водолазка, цвет которой делает ее глаза потрясающе красивыми. Влажные после душа волосы разбросаны по плечам и спине. На ногах шерстяные носки, руки сжимают чашку с дымящимся кофе.

Мия слышит мои шаги и поворачивается. «Да, – говорю я себе, – в этой водолажке у нее просто удивительные глаза».

– Пьешь кофе? – произношу я, и тень, появившаяся на ее лице, подсказывает, что я говорю что-то не то.

– Обычно я не пью кофе?

На протяжении всей недели я стараюсь – порой чрезмерно – вести себя так, чтобы она чувствовала себя как дома. Делаю все, чтобы компенсировать безразличие Джеймса и вывести Мию из состояния апатии. И в результате, когда разговор, кажется, уже налаживается, я допускаю ошибку.

Мия действительно не пьет кофе. Она вообще старается не употреблять кофеин. Ей от него плохо. Но я смотрю, как она вяло подносит ко рту кружку, и думаю, может, на этот раз кофеин пойдет ей на пользу. Кто эта безвольная женщина передо мной? Я узнаю ее лицо, но не понимаю языка жестов, не представляю, откуда взялось тревожное молчание, заключившее в себя мою дочь, словно в мыльный пузырь.

Я молчу, хотя мечтаю задать ей миллион вопросов. Я столько молила, чтобы она просто была рядом. Любопытства Джеймса с лихвой хватит на нас обоих. Вопросы оставляю профессионалам, доктору Родос и детективу Хоффману, и тому, кто никогда не умел вовремя остановиться – Джеймсу. Передо мной сидит моя дочь и в то же время не моя. Она Мия и не Мия. Она похожа на нее, но пьет кофе, носит шерстяные носки и среди ночи просыпается от рыданий. На Хлою она реагирует живее, чем на родное имя. Она выглядит опустошенной, сонной, даже по утрам, когда встает с постели. Вчера вечером она подпрыгнула на своем месте фута на три, когда я включила измельчитель отходов, и поспешно ушла в свою комнату. Ее не было несколько часов, а когда я спросила, чем она занималась, дочь ответила: «Не знаю». Моя Мия не умеет долго сидеть без дела.

– День обещает быть прекрасным, – произношу я, но не дожидаясь реакции.

Погода действительно отличная, ярко светит солнце. Но в январе оно появляется ненадолго, воздух вряд ли сильно прогреется.

– Хочу кое-что тебе показать.

Беру Мию за руку и веду в столовую, где повесила копию ее работы. Я сделала это еще в ноябре, когда была уверена, что она мертва. Живописная тосканская деревушка написана масляной пастелью с фотографии, снятой во время поездки несколько лет назад. Краем глаза наблюдаю за Мией и думаю про себя: «Если бы все можно было вот так сохранить».

– Твоя работа.

Она знает. Это она помнит. Помнит, как сидела в столовой с мелками и фотографией. Она тогда умоляла отца купить мольберт, и он согласился, хотя был уверен, что возникающая страсть Мии к искусству лишь минутная блажь. Мы долго охали и ахали, разглядывая законченную картину, чтобы потом поместить ее в кладовку рядом со старыми костюмами для Хеллоуина и роликовыми коньками и найти лишь тогда, когда детектив попросил предоставить ему фотографии Мии.

Заглядываю ей в глаза:

– Помнишь нашу поездку в Тоскану?

Дочь подходит ближе и касается изящными пальцами картины. Она выше меня, но в этой столовой кажется неоперившимся птенцом, с трудом удерживающимся на тоненьких ножках.

– Шел дождь, – произносит Мия, не отводя глаз от пейзажа.

Я киваю:

– Да. Действительно, шел дождь.

Как прекрасно, что она помнит. Правда, дождливым выдался лишь один день, остальные были солнечными. Мне хочется объяснить ей, что я повесила картину, потому что очень волновалась за нее. Я была в ужасе. На протяжении нескольких месяцев проводила без сна ночь за ночью, задаваясь одним вопросом: *что, если?*.. Что, если ей плохо? Что, если она умерла и мы никогда ее не найдем? Что, если с ней все хорошо, но мы об этом не узнаем? Что, если она умерла, мы об этом узнаем и детектив попросит опознать тело? Я хочу рассказать Мии, что приготовила для нее чулок на Рождество. Просто на всякий случай. Купила подарки, упаковала и положила под елку. Я хочу, чтобы она знала, что я ушла с крыльца далеко за полночь, что тысячу раз звонила ей на мобильный. Просто на всякий случай. В надежде, что наконец услышу не запись автоответчика. Раз за разом я слушала монотонный ответ, те же слова, те же интонации: «Привет, это Мия. Пожалуйста, оставьте сообщение», радуясь возможности хоть несколько секунд послушать ее голос. Я спрашивала себя, что, если мне больше никогда не услышать ничего другого от собственной дочери? Что, если?..

Глаза Мии пусты, выражение лица отрешенное. У нее самое прекрасное лицо, кожа цвета персиков с кремом, сейчас персикового нет, остался лишь крем, отчего она кажется мертвенно-бледной, словно привидение. Она не смотрит на меня, когда мы разговариваем, только сквозь меня или куда-то в сторону, но никогда не в глаза. Чаще всего голова ее опущена, она устремляет взгляд на ноги, на руки, куда угодно, лишь бы не встретиться с моими глазами. Здесь, в столовой, с ее лица сходят последние краски. Это происходит в одно мгновение, когда через приоткрытые занавески в комнату врывается яркий свет, заливая ее тело и оседает на плечах. Рука Мии падает вниз, оторвавшись от пейзажа далекой Тосканы. Голова опускается, дыхание становится хриплым.

Кладу руку ей на спину – слишком худую, я нащупываю лишь твердые кости – и жду. Впрочем, не слишком долго, терпения мне не хватает.

– Милая моя девочка, – говорю я, но она перебивает, убеждая, что с ней все в порядке, все хорошо. Я уверена, все дело в кофе. – Что случилось?

Она пожимает плечами. Рука прижата к животу, и я чувствую – ей нехорошо. Что-то толкает ее прочь из столовой.

– Я устала. Хочу полежать.

Я киваю и напоминаю себе, что надо уничтожить все следы кофеина в доме, прежде чем она проснется.

Гейб. До

– Тебя не так просто найти, – ухмыляюсь я, когда он приглашает меня в отсек офиса, где находится его рабочее место. Это даже не кабинет, он больше похож на кабину, но с высокими стенами, обеспечивающими некое подобие уединенности.

Здесь только один стул – его, – и мне приходится стоять при входе, прислонившись к прогибающейся стене.

– Не знал, что меня кто-то ищет.

Если доверять первому впечатлению, он напыщенный придурок, я сам был таким много лет назад, прежде чем понял, что доволен собой больше, чем имею право. Он крупный мужчина, но не скажу, что высокий. Похоже, он качается, пьет протеиновые коктейли. Может, стероиды? При случае надо записать, при нем у меня нет желания это делать. Не хочу быть пойманым в тот момент, когда делаю выводы. Это может быть не на пользу мне же самому.

– Вы знакомы с Мией Деннет? – спрашиваю я.

– Как посмотреть, – отвечает он, поворачивается на вращающемся стуле и продолжает печатать сообщение.

– Это как?

– Смотря кто интересуется.

У меня нет желания играть в такие игры.

– Я. – Козыри стоит пока попридержать.

– А вы кто?

– Я разыскиваю Мию Деннет.

Я вижу в этом парне себя, ему не больше двадцати пяти, он только закончил учебу и все еще верит, что мир крутится вокруг его персоны.

– Ну, раз так...

Я уже на пороге пятидесятилетия и сегодня утром заметил несколько седых волос. Уверен, за них надо благодарить судьбу Деннета.

Он продолжает печатать, сидя ко мне спиной. *Какого черта!* При всем желании он не мог бы выказать мне меньшее неуважение, заставляя стоять в ожидании возможности поговорить.

Заглядываю ему через плечо. Он пишет об американском футболе под именем *dago 82*. Мать итальянка – отсюда темные волосы и глаза, женщины наверняка от него млеют, – поэтому выбрал опасный ник, оскорбляющий предков. В Италии никогда не был и не знает ни слова по-итальянски. Может, я лишь выискиваю еще одну причину не любить этого парня?

– Я так понимаю, работы невпроворот?

Он замечает, что я читаю написанное им, раздражается и свертывает изображение на экране.

– Кто вы, черт возьми? – нервно спрашивает он.

Лезу в боковой карман и достаю обожаемый мной блестящий значок.

– Детектив Гейб Хоффман.

Парень явно выбит из колеи. Улыбаюсь. Как же я люблю свою работу.

– У Мии проблемы?

– Да, можно сказать и так.

Он ждет, что я продолжу. Я молчу, в основном чтобы его позлить.

– Что она сделала?

– Когда вы последний раз видели Мию Деннет?

– Давно. Неделю назад, может, больше.

– А когда последний раз разговаривали?

– Не помню я. На прошлой неделе. Во вторник вечером, кажется.

– Кажется? – переспрашиваю я, он смотрит на календарь и кивает. – Но во вторник вы ее не видели?

– Нет. Мы должны были встретиться, но я отменил свидание. Работа, знаете ли.

– Ну конечно.

– Что случилось с Мией?

– Итак, вы не разговаривали с ней со вторника?

– Нет.

– Разве это нормально? Не разговаривать почти целую неделю со своей девушкой?

– Я ей звонил, – признается он. – В среду. Может, в четверг. Она не ответила. Я решил, она злится.

– Почему? У нее были на то причины?

Мой собеседник пожимает плечами и тянется к бутылке с водой на столе.

– Я отменил нашу встречу во вторник вечером. Было много работы. Она очень резко разговаривала со мной по телефону. Я бы сказал, она была в бешенстве. Но, что делать, работа есть работа. Я подумал, что она обиделась, поэтому не звонит... Не знаю.

– Каковы были ваши планы?

– Во вторник?

– Именно.

– Встретиться в баре. Мия уже ждала меня там, когда я позвонил и сказал, что не приду.

– И она разозлилась.

– Ну, счастлива слышать это она точно не была.

– И вы были здесь, работали?

– Примерно до трех ночи.

– Кто-то может это подтвердить?

– Ну да. Босс. Мы вместе готовили варианты дизайнерского проекта для встречи с клиентами в четверг. У меня могут быть проблемы?

– К этому мы еще вернемся, – отвечаю я, продолжая стенографировать разговор в собственной манере, которую никому не под силу расшифровать. – Куда вы направились после окончания работы?

– Домой. Была глубокая ночь.

– Вы можете предоставить алиби?

– Алиби? – Он нервно ерзает на стуле. – Не знаю. Я брал такси.

– Счет сохранился?

– Нет.

– В доме есть консьерж? Кто-то может подтвердить, в котором часу вы вернулись домой?

– Камеры. – И сразу, без паузы. – Черт возьми, где Мия?

После разговора с Айаной Джексон я получил распечатку звонков с телефона Мии. Она почти ежедневно звонила Джейсону Беккеру, архитектору, работающему в фирме «Чикаго Луп». Наведавшись к нему, я вижу на лице отражение быстрой работы мозга в поисках нужного ответа, когда интересуюсь, знаком ли он с Мией Деннет.

– Да, я знаю Мию. – В его глазах вспыхивает ревность. Это первое, что я замечаю. Он уверен, что я его соперник.

– Она пропала, – отвечаю я, стараясь предугадать реакцию.

– Пропала?

– Да. Ушла и не вернулась. Со вторника ее никто не видел.

– Полагаете, я имею к этому отношение?

Меня раздражает, что его больше заботит собственная шкура, чем жизнь Мии.

– Да. – Я вынужден солгать. – Полагаю, вы можете быть причастны. – Не сомневаюсь, что у него есть алиби на каждый час. Я вернулся к тому, с чего начал.

– Мне потребуется адвокат?

– Вы так полагаете?

– Я сказал вам, что работал. Во вторник вечером я не встречался с Мией. Спросите моего начальника.

– Непременно, – спешу заверить я, хотя его взгляд подсказывает этого не делать.

Сотрудники фирмы стараются подслушать наш разговор. Проходя мимо, они нарочно замедляют шаг в надежде уловить обрывки фраз. Меня это не беспокоит. А его очень. Я выставил его болваном, а репутация ему небезразлична. Мне доставляет удовольствие наблюдать, как он нервно крутится на стуле.

– Что-то еще? – спрашивает он, подгоняя меня к финалу. Мечтает, чтобы я поскорее убрался.

– Мне необходимо знать обо всем, что вы делали во вторник вечером. Где была Мия, когда вы позвонили? В котором часу вы разговаривали? Проверьте журнал звонков в телефоне. Также мне надо поговорить с вашим боссом, чтобы убедиться в правдивости ваших показаний, и с охранником, чтобы выяснить, в котором часу вы покинули здание. Мне потребуются записи с камер вашего дома для выяснения времени возвращения. Если вы готовы предоставить мне их, то наш разговор окончен. Если вы предпочитаете быть вызванным...

– Вы мне угрожаете?

– Нет. Просто даю возможность выбрать.

Он согласен предоставить мне всю необходимую информацию, организовать встречу с боссом незамедлительно. Посетив огромный по сравнению со смехотворных размеров рабочим местом Джейсона кабинет его начальницы – женщины средних лет – и получив заверения, что он работал во вторник до середины ночи, я направляюсь к выходу.

– Джейсон, – поворачиваюсь я к молодому человеку, – мы сделаем все от нас зависящее, чтобы найти Мию.

Я делаю это заявление лишь для того, чтобы увидеть на его лице растерянное выражение.

Колин. До

Это не займет много времени. Я плачу одному парню, чтобы он задержался на работе на пару часов дольше положенного. Иду за ней в бар и сажусь так, чтобы она меня не видела. Дожидаюсь звонка, вижу, как она встает, и начинаю действовать. Я мало о ней знаю. Видел фото. Это размытая фотография, сделанная из машины с расстояния в дюжину футов. Помимо девушки на снимке еще человек десять, поэтому ее лицо обведено красным маркером. На обратной стороне указано имя – Мия Деннет – и адрес. Мне передали фото около недели назад. Раньше мне не приходилось заниматься ничем подобным. Воровство, да, было. Преследование. Но не похищение. Однако мне очень нужны деньги.

Я хожу за ней уже несколько дней. Знаю, где она покупает продукты, в какую химчистку сдает вещи, где работает. Мы никогда не разговаривали. Я не узнаю ее по голосу, понятия не имею, какого цвета ее глаза и какими они становятся, когда ей страшно. Но и это скоро станет мне известно. Я заказываю пиво, но я не делаю ни глотка. Нельзя рисковать и напиваться. Только не сегодня. Внимание привлекать тоже не стоит, поэтому я и заказал пиво, чтобы передо мной что-то стояло. Когда раздается звонок, она уже с трудом сдерживается. Выходит, чтобы поговорить, и возвращается разочарованная. Собравшись было уходить, она меняет решение и делает глоток из бокала. Затем находит в сумке ручку и что-то чиркает на салфетке, краем уха слушая стихи, которые один урод читает на сцене.

Я стараюсь об этом не думать. Размышляю о том, что она красивая, но напоминаю себе о деньгах. Деньги мне необходимы. Это ведь несложно. Через пару часов все будет закончено.

– Красиво, – киваю я, уставившись на салфетку. Это лучшее, что я могу сказать. В искусстве я ни черта не смыслю.

Она бросает на меня через плечо ледяной взгляд. Ей не нравится, что я подошел. Ей нет до меня никакого дела. Что ж, так проще. Она не отрывает взгляда от салфетки даже после того, как я нахваливаю появившуюся на бумаге свечу. Она мечтает, чтобы я оставил ее в покое.

– Спасибо, – наконец произносит она.

– Абстракционизм?

Это определено не то, что надо было сказать.

– Полагаете, это ужасно?

Другой бы рассмеялся, сказал, что шутит, и засыпал ее комплиментами. Другой. Но не я.

В любой иной ситуации, будь на ее месте другая девушка, я бы непременно ушел. Будь у меня выбор, я ни за что не подошел бы к этой злобной стерве. Я бы завел светскую беседу, ухаживал за кем-то другим, и кто знает, к чему бы это привело.

– Я такого не говорил.

Она кладет руку на пальто:

– Мне пора.

Проглатывает все, что оставалось в бокале, и ставит его на стол.

– Похоже на Моне, – говорю я. – Ведь он писал в абстрактной манере?

Я произношу эту фразу намеренно.

Она поднимает на меня глаза. Впервые. Улыбаюсь ей. Интересно, увиденного ей достаточно, чтобы положить пальто? Она смягчается, понимает, что была резка. Может, она совсем и не стерва. Может, ее просто что-то разозлило.

– Моне – художник-импрессионист, – отвечает она. – Абстракционизм – это Пикассо, Кандинский, Джексон Поллок.

Никогда не слышал этих имен. Она опять собирается уходить.

Не страшно. Я спокоен. Если она уйдет, пойду за ней до дома. Я знаю, где она живет. У меня много времени.

И все же стоит попытаться.

Протягиваю руку, чтобы дотянуться до салфетки, которую она уже бросила в пепельницу.

– Я не сказал, что ужасно.

Расправив, кладу салфетку в задний карман джинсов. Этого достаточно, чтобы она стала искать глазами бармена; решила, что можно еще выпить.

– Оставьте себе? – интересуется она.

– Да.

– На случай, если я однажды стану известной?

Любям нравится думать, что они много значат. Она собирается стать лучшей.

Она представляется; ее зовут Мия. Сделав паузу, говорю, что я Оуэн.

– Не думала, что это такой сложный вопрос, – усмехается она.

Рассказываю, что мои родители живут в Толедо, что работаю кассиром в банке. Все это ложь. О себе она почти не рассказывает. Мы говорим не о личном: аварии на Дэн-Райан, сошедшем с рельсов поезде, предстоящей Мировой серии. Она предлагает обсудить что-нибудь не такое печальное. Это не просто. Мия опять делает заказ. С каждой порцией алкоголя она становится все более открытой. Признается, что ее обидел друг. Рассказывает о нем. Они встречаются с конца августа, а она уже сбилась со счета, сколько свиданий он отменил. Ей хочется вызвать к себе симпатию, но это невозможно. В какой-то момент я придвигаюсь ближе, наши колени соприкасаются.

Стараюсь не думать об этом и о том, что произойдет позже. Представляю, как буду запикивать ее в машину и передавать Далмару. Она говорит без умолку, но я не вникаю в смысл ее слов. Я думаю о деньгах, о том, на сколько мне хватит этой суммы. То, что я делаю сейчас – сижу в баре, в который никогда не пошел бы по своей воле, сижу рядом с женщиной, которую должен похитить, – это не мое. Но я улыбаюсь, когда ее рука касается моей. Я позволяю ей, потому что знаю: эта девушка изменит мою жизнь.

Ева. После

Я ищу любимую детскую книжку Мии, когда меня внезапно озаряет: во втором классе у нее появилась воображаемая подруга по имени Хлоя.

Вот она. Лежит на пожелтевших страницах альбома, подписанная с краю моей же рукой синими чернилами, между снимком первого перелома и выпиской из больницы, куда она попала с первым гриппом. Фотография ученицы третьего класса, кажется, не может пролить свет на причины появления имени Хлоя, но я их вижу. Смотрю на групповой снимок, выделяю счастливо-беспечную девочку, далекую от акне и подтяжек лица, и представляю лицо Колина Тэтчера. Перевожу взгляд на дочь. Белозубая улыбка, брызги веснушек и золотистая копна льняных волос, тогда еще на тон светлее, чем сейчас. Ворот блузки расстегнут, я уверена, что ее худенькие ножки обтянуты ярко-розовыми легинсами, полученными по наследству от Грейс. Между страницами детской книжки я нахожу и другие снимки: Рождество, утро, Мии два года, Грейс семь; разглядываю их одинаковые пижамы и взъерошенные грязные волосы Джеймса на заднем плане. Первые дни в школе. Дни рождения.

Завтракаю, перелистывая страницы детской книжки, пальцами ощущаю ткань подгузников, вижу перед глазами детскую бутылочку и мечтаю, чтобы то время вернулось. Звоню доктору Родос. К моему большому удивлению, она отвечает.

Рассказываю ей о воображаемой подруге, и врач сразу приступает к психоанализу:

– Дети, миссис Деннет, часто придумывают себе друзей, чтобы компенсировать одиночество или отсутствие друзей в реальной жизни. Они наделяют их качествами, которыми желали бы обладать. Друг, например, будет общительным и коммуникабельным, если малыш застенчив, спортивным и ловким, если сам ребенок неуклюж. Наличие воображаемого друга не является психологической проблемой. Он исчезнет, когда ребенок вырастет.

– Дело в том, доктор Родос, – говорю я, – что имя воображаемой подруги Мии Хлоя.

– Любопытно, – произносит врач таким тоном, что я немею.

Я буквально одержима мыслями об этом имени – Хлоя.

Все утро читаю в Интернете все, что нахожу. Имя имеет древнегреческие корни, значение его, в зависимости от сайта, предлагается «цветущая» или «зеленеющая», впрочем, эти слова можно считать синонимами. В этом году оно одно из самых популярных имен у родителей, но в 1990-м занимало лишь двести двенадцатое место среди детских имен в Америке, расположившись между Александрой и Мари. В Штатах около десяти тысяч пятисот девочек по имени Хлоя. Имя пишется по-разному – Хлоя, Хлои, Клоя. Интересно, как бы это сделала Мия? Разумеется, я не посмею спросить. Где Мия сталкивалась с этим именем? Может, это связано с малышкой Кэббидж Пэтч и Бейбиленд? Открываю сайт – удивительно, сколько в этом году кукол с цветом кожи кофе с молоком, – но не нахожу ни одного упоминания имени Хлоя. Возможно, так звали одноклассницу Мии?

Ищу знаменитостей по имени Хлоя: Кэндис Берген и Оливия Ньютон-Джон назвали дочерей Хлоя, также это настоящее имя писательницы Тони Моррисон, хотя сомневаюсь, что Мия во втором классе читала ее книгу «Возлюбленная». Нахожу Хлою Севиньи и Хлою Уэбб (первая слишком молода, вторая слишком стара, чтобы привлечь внимание дочери в восьмилетнем возрасте).

Можно спросить у Мии. Можно подняться по ступенькам и постучать в дверь ее спальни. Это сделает Джеймс, он обязан докопаться до сути. Я сама желаю того же, но не хочу разрушать доверительные отношения с дочерью. Несколько лет назад я бы попросила помощи и совета у Джеймса. Но не сейчас. Беру трубку телефона, набираю номер. Голос ответившего мне человека звучит дружелюбно.

– Ева, – произносит он, и я сразу успокаиваюсь.

– Здравствуй, Гейб.

Колин. До

Подвожу ее к высотному зданию на Кенмор. Мы поднимаемся на лифте на седьмой этаж. Из-за одной двери доносится громкая музыка; ступаем на грязное ковровое покрытие и проходим в конец коридора. Она молча стоит рядом, а я открываю дверь. В квартире темно, светится лишь табло на плите. Решительно иду по паркетному полу к дивану и включаю торшер. Тени исчезают, и нашему взору предстает мое скромное жилище: спортивные журналы, разбросанная обувь на нижней полке открытого шкафа, недоеденный рогалик на бумажной тарелке. Молчу, ощущая, что она меня осуждает. Тишина. Соседи сегодня готовят индийские блюда на ужин, и она морщится от запаха карри.

– Все нормально? – спрашивает она, потому что ей неприятна эта возникшая из-за неловкости тишина. Возможно, считает все это ошибкой, мечтает поскорее уйти.

Подхожу ближе, глажу ее по волосам, стараясь прикоснуться кончиками пальцев к коже. Я мысленно возношу ее на пьедестал и вижу, что в глазах, хоть и на мгновение, вспыхивает желание там остаться. Она никогда в жизни не поднималась на пьедестал. Она целует меня и забывает, что собиралась уходить. Прижимаюсь к ее губам, знакомым и чужим одновременно. Мои движения напористы. Я делал это тысячу раз. Если я замешкаюсь из-за собственной неуклюжести, у нее будет время подумать. Но все происходит стремительно.

И вот наконец заканчивается, так же быстро, как началось.

Я отталкиваю ее.

– В чем дело? – выдыхает она мне в шею. – Что случилось?

Ее руки сползают вниз, пальцы неумело берутся с ремнем.

– Не надо, – говорю я и отворачиваюсь.

– Почему? – В ее голосе мольба. От волнения она сжимает край своей блузки.

Отхожу в сторону, подальше, теперь ей до меня не дотянуться. Ей стыдно и неловко. Она прижимает руки к щекам, словно ей жарко.

Затем руки опускаются, цепляются за спинку кресла. Девушка пытается перевести дыхание.

Комната начинает вращаться перед глазами. Она не привыкла к слову «нет». По лицу видно, что она меня не слышит. Она нервно расправляет блузку, пытается привести в порядок растрепавшиеся волосы.

Не знаю, как долго длилась тишина.

– Не надо, – повторяю я и наклоняюсь за обувью. Повернувшись, швыряю ботинки в шкаф, оба одновременно, и слышу, как они ударяются о заднюю стенку. Подхожу и закрываю дверцу, беспорядок остается, но там, где он не виден.

Обида ее растет.

– Зачем ты меня сюда привел? – спрашивает она. – Ты привел меня сюда лишь для того, чтобы оскорбить.

Вспоминаю, как мы сидели в баре. Стараюсь представить собственный жадный взгляд, когда я наклонился к ней и предложил:

– Пойдем отсюда?

Я сказал ей, что живу совсем рядом, и мы бежали почти до самого дома.

– Не надо. – Пристально смотрю ей в глаза.

Она отводит взгляд и тянется за сумочкой. По коридору проходят люди, их смех режет слух, как тысяча ножей.

Она делает шаг и теряет равновесие.

– Куда ты собралась? – спрашиваю я и закрываю телом входную дверь. Теперь она не уйдет.

– Домой.
– Ты пьяна.
– И что? – с вызовом спрашивает она, стараясь удержаться на ногах.
– Ты не уйдешь, – настаиваю я. Хочу сказать, что помешаю ей, но произношу: – Не сейчас.
Она улыбается и говорит, что я милый. Думает, я за нее беспокоюсь. Знала бы она, как мало меня волнует ее судьба.
Ничтожно мало.

Гейб. После

Когда я вхожу, Грейс и Мия Деннет уже сидят у моего рабочего стола. Грейс явно некомфортно. Она берет мою ручку, снимает изжеванный колпачок, натянув рукав блузки, и бормочет что-то себе под нос. Я разбираю лишь слова «некрасиво» и «неприлично». Пригладив ладонью галстук, делаю шаг. Представляю, какого она обо мне мнения. В следующую секунду она уже выговаривает Мии, что ее волосы не укладывали феном по меньшей мере неделю, под глазами ужасающие синяки. Затем она скользит взглядом по мятой одежде сестры и отмечает, что вещи выглядят так, словно куплены для девочки-подростка, вернее, мальчика.

– Интересно, да? – нахмурившись, продолжает Грейс. – Я прямо-таки вынуждаю тебя наругать, назвать меня самовлюбленной сукой, как ты постоянно оскорбляла меня.

Мия молча смотрит на сестру.

– Доброе утро, – произношу я.

Грейс бросает на меня недовольный взгляд.

– Думаю, можем начинать. У меня еще много дел, – заключает она.

– Конечно. – Я медленно высыпаю сахар в готовый кофе, стараясь растянуть процесс. – Я хотел побеседовать с Мией, может, мне удалось бы кое-что прояснить.

– Не представляю, чем она может вам помочь, – произносит Грейс и напоминает мне об амнезии. – Она ведь ничего не помнит.

Я пригласил Мию, чтобы вместе покопаться в ее памяти, понять, что сказал ей Колин Тэтчер, возможно, это могло бы представлять ценность для следствия. Поскольку Ева почувствовала себя плохо, Мию сегодня сопровождает сестра, по глазам которой видно, что она предпочла бы провести это время в кресле дантиста, нежели в моем кабинете.

– Я бы хотел попытаться заставить ее что-то вспомнить. У меня есть кое-что, вдруг поможет.

Глаза ее становятся круглыми.

– Фотографии подозреваемых, детектив? Нам хорошо известно, как выглядит Колин Тэтчер. Вы уже показывали фото и нам, и Мии. Ожидаете, что она его опознает?

– Это другое, – говорю я и открываю ящик стола, где хранятся вещи, добытые не совсем легальным путем.

Грейс цепко охватывает взглядом небольшой альбом одиннадцать на четырнадцать, стараясь разгадать, к чему я клоню. Изделие вторичной переработки не дает ей ни единого шанса. Мия понимает, что ни она сама, ни я не имеем представления, что происходит в ее душе, но в лице ее что-то меняется – должно быть, нахлынула волна воспоминаний, – правда, лишь на несколько секунд. Мои догадки подтверждает и язык ее жестов – она выпрямляется и чуть подается вперед, потянувшись рукой к альбому, как к чему-то знакомому.

– Вы его узнаете? – произношу я, покосившись на Грейс, собирающуюся, видимо, спросить о том же.

Мия берет альбом, но не открывает, а проводит рукой по гладкой обложке. Она молчит не меньше минуты, а потом качает головой. Все, воспоминания ускользнули, так и не сформировавшись в четкую мысль. Она откидывается на стуле, пальцы разжимаются, позволяя альбому упасть ей на колени.

Грейс выхватывает его и открывает. Перед ней множественные зарисовки Мии. Ева рассказывала, что дочь обычно не расстается с альбомом, рисует все, что кажется ей интересным: от бездомных, притулившихся в переходах метро, до машин, ожидающих на стоянке хозяев. Таков способ Мии вести дневник, таким образом она сохраняет воспоминания о том, где была и что видела. В этом альбоме я нахожу наброски дерева и нескольких деревьев, озера, окруженного лесом, небольшого бревенчатого домика и тощего кота, дремлющего на солнышке.

Кажется, эти рисунки не удивляют Грейс. Она перелистывает страницы, пока не наткнется на изображения Колина Тэтчера, отчего буквально подпрыгивает на месте.

Колин Тэтчер имеет весьма потрепанный вид: вьющиеся волосы торчат в разные стороны и кажутся грязными, как и изодранные джинсы, и толстовка с капюшоном. Мия нарисовала его крепким и высоким. Особенный акцент она сделала на глазах, подчеркнув карандашом тени и мельчайшие детали, передав глубину взгляда. Колин Тэтчер получился словно живой и настолько пугающий, что Грейс старается поскорее перелистнуть страницу.

– Ты ведь сама это нарисовала, не помнишь? – Она подсовывает блокнот сестре, заставляя ту взять его в руки.

Колин сидит на полу по-турецки перед старой печкой, повернувшись спиной к пламени. Мия проводит рукой по странице, чуть смазывая карандашные линии, и принимается разглядывать кончики пальцев, на которых остались следы грифеля.

– Не екнуло? – интересуюсь я и делаю глоток кофе.

– Это... – Мия переводит дыхание, – он?

– Если ты о похитившем тебя человеке, то да, это он, – отвечает Грейс.

Я вздыхаю и протягиваю ей фотографию.

– Вот Колин Тэтчер. – Это не фото, сделанное полицейскими, а обычный снимок, где он, кстати, одет прилично.

Мия задумчиво переводит взгляд с фотографии на рисунок. Вьющиеся волосы. Крепкое телосложение. Карие глаза. Щетина на лице. Скрещенные на груди руки, выражение лица человека, изо всех сил старающегося скрыть улыбку.

– Вы прекрасно рисуете.

– Это я нарисовала? – переспрашивает Мия.

Я киваю в ответ:

– Нашел этот альбом в доме, среди ваших с Колином вещей. Полагаю, альбом принадлежит вам.

– Ты взяла альбом с собой в Миннесоту? – Грейс вскидывает брови.

Мия лишь пожимает плечами, не отводя глаз от лица Колина. Конечно, она не помнит. И Грейс, зная это, все равно спрашивает. Ход ее мыслей схож с моим: почему Мия взяла с собой только альбом?

– Что вы еще с собой брали?

– Не знаю, – отвечает она настолько тихо, что слова можно разобрать с трудом.

– А что еще вы нашли? – интересуется Грейс.

Я наблюдаю за Мией, отмечая каждое ее движение: то, как она протягивает руку и осторожно касается изображения, словно стараясь установить некий контакт, и как ее медленно, но все сильнее охватывает разочарование. Каждый раз, когда она старается отогнать призраков воспоминаний, они набрасываются на нее с возросшей силой, будто умоляя: *думай, просто думай.*

– Ничего необычного. – Я пожимаю плечом.

Грейс мой ответ выводит из себя.

– Что это значит? Одежду, продукты, оружие – ножи, взрывчатку, пистолеты – мольберт или набор красок? Если хотите знать мое мнение, – она выхватывает альбом из рук сестры, – это уже из ряда вон выходящее. Похитители обычно не позволяют жертвам рисовать доказательства их причастности к преступлению в дешевом альбоме. – Грейс поворачивается к сестре: – Если он так долго спокойно сидел, почему же ты не сбежала, Мия?

Та поднимает на нее вопросительный взгляд. Грейс вздыхает и смотрит так, словно сестру пора поместить в палату психиатрической лечебницы, поскольку она совершенно оторвана от реальности и не представляет, где находится и зачем, словно с трудом подавляет в себе желание

стукнуть ее по голове чем-то тяжелым, чтобы удар встряхнул содержимое черепной коробки и заставил мозг работать.

Я счел своим долгом выступить в защиту Мии.

– Возможно, она боялась. А может, просто не знала, куда идти. Домик стоял посреди безлюдной пустыни в северной Миннесоте, зимой эти места похожи на затерянные земли. Куда ей было бежать? Он мог поймать ее, и что бы случилось тогда?

Грейс поджимает губы и перелистывает страницы альбома, разглядывая бесконечные изображения леса, бескрайних снегов; и... внезапно, словно вспомнив о чем-то, она взмахивает пальцами, перелистывая несколько страниц.

– Это рождественская елка? – Она поворачивает альбом к сестре.

Взглянув на надорванную страницу, та вскакивает с места. Я кладу руку на плечо Мии, стараясь ее успокоить.

– О да, милое деревце, – усмехаюсь я. – Вы и это сочтете необычным? Рождественская елка. Кстати, действительно очень симпатичная.

Колин. До

Она изо всех сил борется со сном, когда звонит телефон. Она уже тысячу раз повторяла, что должна уходить. Мне удавалось убедить ее, что в этом нет необходимости.

Не сразу нахожу в себе силы отвести от нее глаза. Отчетливо ощущаю умоляющий взгляд и заставляю себя забыть о нем. С этой девушкой происходит что-то странное.

Каким-то образом мне удается убедить ее остаться. Она верит, что это для ее же пользы. Объясняю, что провожу ее до такси, когда она протрезвеет. К счастью, она соглашается.

Звонит телефон. Она даже не вздрагивает, лишь смотрит на меня, будто считает, что это звонит моя подруга. А кто еще может позвонить среди ночи? Времени почти два. Беру трубку и выхожу в кухню, краем глаза отмечая, что она поднимается с дивана, стараясь побороть бессилие и вялость.

– Все в порядке? – интересуется Далмар.

Я ничего о нем не знаю, кроме того, что кожа его чернее, чем у всех черных, что мне доводилось видеть. Я и раньше исполнял заказы Далмара: воровство, угрозы. Но никогда не похищал людей.

– Угу.

Поворачиваюсь и смотрю на девушку, переминающуюся с ноги на ногу в комнате. Она ждет, когда я закончу разговор. Тогда она уйдет. Надо задержать ее, насколько возможно. Повернувшись к ней спиной, достаю из ящика пистолет.

– В два пятнадцать, – доносится из трубки.

Место мне известно: темный переулок под мостом метро, где в это время можно встретить лишь бездомных. Мне надо остановиться за серым мини-вэном. Они заберут девушку и отдадут деньги. Все очень просто. Мне даже не придется выходить из машины.

– В два пятнадцать, – повторяю я.

В этой мисс Деннет не больше ста двадцати фунтов. К тому же ее мучают похмелье и головная боль. Ничего сложного.

Возвращаюсь в комнату и вижу, что она собралась и готова уходить. Останавливаю ее у двери, обняв рукой за талию.

– Ты никуда не пойдешь.

– Надо, – говорит она. – Мне утром на работу. – И глупо хихикает. Что в этом смешного?

Хорошо, что у меня есть пистолет. И она его видит. В эту секунду все меняется. Вот он, момент истины. Она смотрит на пистолет, пытаюсь понять, что это значит.

– Ой, – тихо вскрикивает она. Затем почему-то спрашивает: – Что ты будешь с ним делать?

Она медленно отходит на несколько шагов и садится на диван.

– Ты должна пойти со мной. – Я делаю шаг вперед, сокращая разделяющее нас расстояние.

– Куда?

Пытаюсь взять ее за руку, и она непроизвольно отдергивает обе руки.

– Пожалуйста, не усложняй.

– Зачем тебе пистолет?

А она ведет себя спокойнее, чем я ожидал. Явно обеспокоена, но не кричит, не плачет. Сидит, не отводя глаз от пистолета.

– Просто пойдешь со мной.

Хватаю ее за руку, она дрожит и старается вырваться. Ничего не выйдет, я держу ее крепко. Она вскрикивает и смотрит на меня со злостью – ей больно и страшно. Все произо-

шедшее стало для нее неожиданностью. Она умоляет отпустить ее, просит не прикасаться. Командные нотки в ее голосе выводят меня из себя. Можно подумать, она здесь главная.

Она натужно старается вырваться, но сдается, понимая, что не сможет. Я ей не позволю.

– Заткнись, – говорю я, сжимая рукой оба ее запястья. Ей больно, я знаю. Мои пальцы оставляют красные следы.

– Это какая-то ошибка, – говорит она. – Этого не может быть.

Голос звучит на удивление спокойно, но испуганные глаза смотрят на пистолет. Не передать, сколько раз я слышал эти слова. Каждая жертва утверждает, что я ошибся.

– Заткнись. – На этот раз я повышаю голос и стараюсь говорить властно. Прижимаю ее к стене, и она задевает бра. Плафон с противным звуком падает на паркет, но остается целым, разбивается только лампочка.

Надавливаю сильнее и приказываю молчать. Повторяю снова и снова. Она стоит и молча слушает. У нее лицо профессионального игрока в покер, хотя в душе, несомненно, не все так спокойно.

– Ладно, – произносит она, будто у нее есть выбор, будто ее слова что-то меняют. Она кивает и поднимает на меня уставшие, но спокойные глаза. И, между прочим, красивые. Да, у нее красивые голубые глаза, но я спешу выбросить из головы подобные мысли.

Нельзя думать о такой ерунде. Только не сейчас. Сначала надо передать ее Далмару и выполнить работу.

Приставив пистолет к ее виску, объясняю, что делать. Она должна пойти со мной. Если закричит, я спущу курок. Вот так все просто.

Она не станет кричать. Я вижу это по ее лицу.

– Сумочка.

Она сама бросила ее на пол, когда мы час назад ворвались в квартиру, расстегивая на ходу одежду.

– Плевать на твою чертову сумку.

Выталкиваю ее в коридор и захлопываю за собой дверь.

На улице похолодало. Ветер разметал ее волосы, закрыв прядями лицо. Она дрожит еще и от холода. Я чувствую это, потому что крепко прижимаю ее к себе. Конечно, не для того, чтобы согреть, до этого мне нет дела. Я не хочу, чтобы она вырвалась и убежала. Я держу ее так крепко, что иногда наши ноги соприкасаются, мешая сделать шаг. Однако мы передвигаемся довольно быстро. Наша цель – оставленная на Айнсли машина.

– Шевелись, – говорю я в очередной раз, хотя понимаю, что сам нас задерживаю.

Приходится постоянно оглядываться, чтобы проверить, не следят ли за нами. Она смотрит под ноги и старается увернуться от промозглого ветра. Пальто осталось в квартире. Кожа покрывается пупырышками – тонкая блузка не лучшая одежда для начала октября. На улице пустынно, мы единственные, кому пришлось в голову выйти из дому. Распахиваю дверцу машины и жду, когда она усядется. Не трачу времени, чтобы пристегнуться, разворачиваюсь и несусь прямо по улице с односторонним движением.

Дороги все равно пустые. Я еду быстро, знаю, что не должен этого делать, но все равно гоню, желая, чтобы все скорее закончилось. Она неестественно спокойна, сидит молча, дыхание кажется ровным. И все же мне удается заметить, что она немного дрожит от холода и страха. Интересно, о чем она думает? Заговорить со мной она даже не пытается. Свернулась на соседнем сиденье и разглядывает проносящиеся за окном улицы города. Пройдет еще немало времени, прежде чем мы доберемся до места встречи и люди Далмара вытащат ее из машины, попутно ощупав все тело своими грязными руками.

Далмар человек с норовом. Не представляю, какие у него планы на эту девушку. Мне известно лишь, что он рассчитывает на выкуп. Он будет держать ее до тех пор, пока отец не выплатит долг. Мне неизвестно, что они сделают с ней после. Убьют? Отправят домой? Сомне-

ваюсь. Если так, то лишь после того, как сам Далмар и его парни используют ее на полную катушку. В голове выстраивается целый ряд возможных вариантов, и в конце концов я начинаю думать о том, что будет, если меня поймают? Затея может оказаться пустой. Похищение человека потянет на тридцать лет тюрьмы. Это точно. Я проверял. Не раз я думал о возможных последствиях после того, как меня нанял Далмар. Но одно дело – думать и совсем другое – делать. И вот я здесь, в машине, везу похищенную девушку и думаю о тридцати годах заключения.

Она не поворачивается в мою сторону. На светофоре я кошусь на нее. Теперь она смотрит перед собой, и я знаю, что она чувствует мой взгляд. Сжав зубы, старается сдержать слезы. Я держу руль одной рукой, вторая лежит на колене и сжимает пистолет.

Откровенно говоря, на девушку мне наплевать. Я думаю о том, что буду делать, когда вернусь домой. С того времени меня можно считать причастным к совершенному похищению или убийству. Так и будет. Далмар сделает все, чтобы не иметь к этому отношения. Он подставит меня. Если дело пойдет плохо, я стану марионеткой, козлом отпущения, которому предстоит сложить голову на плахе.

Загорается зеленый свет, и я выезжаю на Мичиган. Толпа пьяных подростков стоит на углу в ожидании автобуса. Они глупо гогочут, поддразнивая друг друга. Один из них спотыкается о бордюр и ступает на проезжую часть. Успеваю уйти в сторону, едва не сбив его.

– Идиот, – бормочу я себе под нос.

Парень вытягивает руку с поднятым средним пальцем.

В очередной раз прокручиваю в голове запасной план. Я всегда готовлю его, если дело пойдет не так, как задумано. Правда, мне ни разу не представился случай его использовать. Проверяю, сколько у меня бензина. Достаточно, чтобы смотаться из города.

Мне надо на Уэкер. Смотрю на часы, на панели 2:12. Далмар с помощниками уже ждут на месте. Он мог бы справиться и сам, но ни за что не будет марать руки. Он найдет болвана, такого как я, чтобы сидеть в стороне и наблюдать. Таким образом, он всегда остается чистеньким. На месте преступления не обнаружат его отпечатков, на записи камер наблюдения не будет его лица. Общение с чертовым ЦРУ он отводит нам, его бойцам, как он нас называет.

В машине их человека четыре, все они только и ждут, когда смогут схватить девушку, сидящую пока рядом со мной. Скоро ей придется сражаться за свою жизнь.

Мои руки соскальзывают с руля. Я потею, как последний трус. Вытираю ладони о джинсы и в сердцах ударяю кулаком по рулю. Девушка на соседнем сиденье издает сдавленный крик. Мне надо свернуть на Уэкер, но я еду прямо. Понимаю, что это глупо, но еду и смотрю в зеркало, чтобы удостовериться, что за нами нет хвоста. Я жму на газ, проношусь по Мичиган-авеню, потом Онтарио-стрит, уже до наступления двух пятнадцати я на Девяностом шоссе. Девушке я ничего не говорю, она все равно ничему не поверит.

Сам не понимаю, когда это происходит и как далеко мы отъехали от города. Линия горизонта исчезает в темноте, пройденное расстояние стерло череду домов на обочинах. Моя попутчица начинает ерзать на сиденье, теряя самообладание. Оторвавшись от окна, она поворачивается назад, туда, где исчез за горизонтом город. Кажется, что кто-то включил тумблер и она наконец поняла что происходит.

– Куда мы едем? – спрашивает она. Голос становится истеричным, вместо непроницаемого лица игрока в покер вижу распахнутые в панике глаза и лихорадочный румянец.

Успеваю заметить это благодаря вспыхивающему и потухающему свету фонарей, падающему на ее лицо каждые пять секунд. Она умоляет меня отпустить ее, но я велю ей закрыть рот. У меня нет желания слушать нытье. Она начинает плакать, слезы заливают лицо, сквозь всхлипы опять слышится просьба отпустить ее.

– Куда мы едем? – опять спрашивает она.

И я поднимаю пистолет. Больше не могу слышать ее голос, пронзительный и надрывный. Надо как-то ее заткнуть. Поднимаю дуло к ее виску и приказываю замолкнуть. Наконец она перестает говорить, хотя продолжает плакать. Всхлипывает и утирает нос укороченным рукавом блузки; к тому моменту пейзаж за окном становится совсем сельским.

Ева. После

Мия сидит на кухне, сжимая пальцами официальный конверт с ее именем, начертанным явно мужской рукой.

Я готовлю ужин для нас с дочерью. В соседней комнате работает телевизор, создавая уютный фон, звуки долетают до кухни, заполняя тишину. Скорее всего, Мия не замечает, что в последние дни молчание чрезвычайно меня нервирует, и я завожу разговор ни о чем, лишь бы его избежать.

– Хочешь, приготовлю куриное филе и салат? – спрашиваю я, и она в ответ пожимает плечами. – Ты будешь зерновые булочки или из белой муки? – продолжаю я, но она молчит. – Да, сделаю курицу, твой отец любит курицу, – добавляю я, хотя мы обе знаем, что Джеймс не вернется к ужину.

– Что это? – спрашиваю я, указывая на конверт.

– А?

– Что за конверт?

– А, этот...

Я ставлю сковороду на огонь, случайно ударив чуть сильнее без всякого намерения. Мия вздрагивает, и я извиняюсь, устыдившись своей несдержанности.

– Мия, солнышко, извини, не хотела тебя напугать.

Ей требуется несколько минут, чтобы успокоиться, прийти в себя и привыкнуть к звукам скворчащего масла.

Она говорит, что сама не знает, почему так на все реагирует. Вспоминает, что раньше любила, когда на мир опускаются сумерки и пейзаж за окном меняется до неузнаваемости. Она рассказывает, как волшебным образом светятся огни зданий в вечернем мраке, это время дарит человеку некую анонимность и возможности, исчезающие с первыми лучами дневного светила. Теперь темнота ее пугает, страшит все, что находится по ту сторону шелковых гардин.

Мия никогда не была трусихой. Она гуляла по вечерним улицам города и чувствовала себя в безопасности. Дочь говорила, что шум больших магистралей и улиц дарит ей успокоение, клаксоны и сирены помогают обрести внутреннее равновесие. Однако сейчас она вздрагивает, когда я жарю курицу.

Я стараюсь сгладить напряжение, и Мия заверяет, что она в порядке. Она прислушивается к звукам телевизора – репортажи новостной программы сменились комедией, начавшейся в семь часов.

– Мия?

Она поворачивается:

– Что?

– Конверт, – напоминаю я.

Она вертит его в руках, разглядывая.

– Мне дали его в полиции.

Отрываюсь от помидоров и поднимаю глаза на дочь:

– Детектив Хоффман?

– Да.

Мия выходит из спальни, только когда Джеймс уходит. Остальное время она от него прячется. Я уверена, что комната напоминает ей о детских годах. В ней все, как было прежде: сливочного цвета стены, поднимающие настроение, стол темного дерева с подкручивающимися ножками, удобные мягкие кресла, где она проводила так много времени. Мне кажется, она сейчас стала похожа на ребенка, ее нельзя оставить одну, ей надо готовить еду, за ней всегда надо приглядывать. Ее стремление к независимости исчезло без следа.

Вчера Мия спросила, когда сможет переехать к себе, но я ответила, что всему свое время. Мы с Джеймсом разрешаем ей выйти из дому только в случае необходимости встретиться с доктором Родос или детективом полиции. Бесцельные прогулки под запретом.

Много дней в дверь трезвонили от рассвета до заката мужчины и женщины с микрофонами и камерами, надеясь, что кто-то из нас не выдержит и выйдет на крыльцо. «Мия Деннет, мы хотели бы задать вам несколько вопросов», – требуют они, тыча микрофонами в лицо дочери. Дело закончилось тем, что я строго-настрого запретила Мии открывать дверь и реагировать на вопросы и камеры. Телефон звонил не смолкая, я время от времени поднимала трубку лишь для того, чтобы произнести одну и ту же фразу: «Без комментариев». Вскоре мне надоело и это, и я включила автоответчик, а позже, устав окончательно, выдернула вилку телефона из розетки.

– Ты его не откроешь? – поинтересовалась я, глядя на дочь.

Она надрывает бумагу кончиками пальцев и вскрывает. В конверте один-единственный листок. Мия осторожно достает его и разворачивает. Кладу нож на разделочную доску и подхожу к дочери, стараясь не выказывать интереса, хотя неизвестно, кому из нас любопытнее увидеть содержимое конверта. Это, вероятно, вырванная из альбома страничка: четкие линии, сформировавшие набросок. Увидев длинные волосы, делаю вывод, что это женщина.

– Я нарисовала, – говорит Мия и разжимает пальцы. Рисунок планирует на стол.

– Можно?

Руки начинают дрожать, к горлу подкатывает тошнота. Мия рисовала всегда, сколько я ее помню. Она очень талантлива. Однажды я спросила, почему она так любит рисовать, чем ее привлекает это занятие. Она ответила, что только так может изменить окружающий мир. Превратить гуся в лебедя, пасмурный день сделать солнечным. Рисунок стал для нее миром, где нет места окружающей нас реальности.

Однако этот рисунок – нечто другое. Глаза у женщины совершенно круглые, улыбающийся рот изображен так, как дети рисуют в детском саду. Ресницы распахнуты и образуют четкую линию. Пропорции лица нарушены словно намеренно.

– Это из того альбома, что нашел детектив Хоффман. Альбома с моими рисунками.

– Это не ты рисовала, – уверенно говорю я. – Такое ты могла нарисовать лет десять назад, когда только училась. Но сейчас... Для тебя это слишком примитивно. Работа в лучшем случае посредственная.

Срабатывает таймер, и я поднимаюсь с места. Мия опять берет рисунок и разглядывает.

– Зачем тогда полиция мне его отдала? – спрашивает она, касаясь конверта.

Отвечаю, что не представляю зачем.

Перекладываю с противня порцию булочек и обращаюсь к Мии:

– Тогда кто? Кто мог это нарисовать?

В духовке подрумянивается курица. Помещаю ниже противень с печеньем и начинаю резать огурец, представляя, что передо мной на доске лежит Колин Тэтчер.

– На этом рисунке... – говорю я, стараясь не расплакаться. Мия сидит не поворачивая головы. Все просто, все ясно как белый день: круглые глаза, длинные волосы, кривая улыбка. – На этом рисунке ты, милая.

Колин. До

Только на Кеннеди-Драйв я соображаю включить печку. Где-то в Висконсине включаю радио. Из задних динамиков доносится рев. Девушка продолжает смотреть в окно не говоря ни слова. Я почти уверен, что пара фар светила в заднее стекло все время, что мы ехали по Девяностому шоссе, но где-то после Джейнвилла, штат Висконсин, они исчезают.

Выезжаю на федеральную трассу. Дорога темная, кажется, она ведет в пустоту. Сворачиваю на заправку. Не видно ни одного служащего. Выключаю двигатель и выхожу, прихватив пистолет, чтобы залить полный бак.

Встаю так, чтобы видеть девушку, и не спускаю с нее глаз. Внезапно в салоне вспыхивает огонек света. Это же ее мобильный. Как я мог так сглупить? Резко открываю дверь, напугав ее до полусмерти, и пытаюсь выхватить аппарат.

– Дай мне телефон, – сдавленно произношу я, ругая себя, что не потрудился выбросить телефон по дороге.

Ее лицо освещают фонари на заправочной станции, и мне не надо приглядываться, чтобы понять, как ужасно она выглядит. Волосы превратились в копну грязной соломы.

– Зачем? – спрашивает она, но я знаю, что она вовсе не так глупа, чтобы не понимать.

– Отдай мне телефон.

– Зачем?

– Дай, говорю.

– У меня его нет, – осмеливается соврать она.

– Дай мне свой чертов телефон! – рычу я, протягиваю руку и нахожу аппарат под блузкой.

Она кричит, чтобы я не прикасался к ней. Смотрю на экран. Она смогла открыть список контактов, но не успела набрать номер. Выключаю телефон и швыряю в мусорный бак. Даже если копы уловили сигнал, больше они не смогут за нами следить.

Открываю багажник и нахожу кусок веревки, удлинитель и еще какой-то шнурок. Связываю ей руки так туго, что она плачет от боли.

– Еще раз попытаешься что-то подобное сделать – и я убью тебя.

Со всей силы хлопнув дверцей, сажусь на свое место и завожу мотор.

Совершенно очевидно, что, не дождавшись меня и девушки, Далмар отправит своих людей на поиски. Сейчас они наверняка обыскивают мою квартиру. Нас обоих ждут большие проблемы, но я ни при каких условиях не могу вернуться. Если девчонка настолько глупа, что попытается сбежать, придется ее убить. Постараюсь, чтобы этого не произошло. Прежде чем они ее убьют, она расскажет, где меня искать. Лучше я прикончу ее сам. Дело не новое.

Машина несется сквозь ночь. Она на несколько секунд закрывает глаза и, вскрикнув, распахивает их, чтобы убедиться, что это не сон. Все происходит на самом деле: существую и я, и грязная машина с порванными дерматиновыми сиденьями, треск динамиков, бесконечные поля за окном и черное небо. Пистолет по-прежнему лежит у меня на коленях – я уверен, она не попытается его схватить, – мои руки сжимают руль. Теперь я могу сбросить скорость, уже ясно, что за нами никто не гонится.

Она и раньше спрашивала, зачем я это делаю. Сейчас голос ее дрожит сильнее.

– Почему ты так поступаешь со мной? – повторяет она.

Мы где-то около Мэдисона. До этого она молчала, слушая заунывные рассуждения о первородном грехе священника, выделяющего интонацией каждое третье-четвертое слово. И вот звучит ее внезапный вопрос:

– Почему ты так поступаешь со мной?

Она заставляет меня вернуться в реальность, но реакция моя далека от ожидаемой. Это ее «со мной» выводит меня из себя. Думает, что все дело в ней. Она совершенно ни при чем. К ней мой поступок не имеет никакого отношения. Она пешка, марионетка, жертвенный агнец.

– Не волнуйся, – отвечаю я.

Ответ ее, конечно, не устраивает.

– Ты даже меня не знаешь. – Тон ее звучит высокомерно.

– Знаю. – Бросаю на нее быстрый взгляд. В машине темно, мне удастся разглядеть лишь очертания профиля.

– Что плохого я тебе сделала? Что вообще я тебе могла сделать? – В голосе слышится мольба.

Ничего она мне не сделала. Уж мне-то известно. Да и ей тоже. Все же я приказываю ей замолчать.

– Хватит, – отрезаю я и повторяю, когда понимаю, что она не намерена подчиниться. – Заткнись. Закрой рот! – уже кричу я, поднимая пистолет.

Торможу и сворачиваю на обочину. Когда я выхожу из машины, она уже кричит, умоляет не трогать ее. Нахожу в багажнике рулон липкой ленты и отрываю зубами кусок. Ночная тишина нарушается лишь звуком изредка проносящихся мимо автомобилей.

– Что ты хочешь сделать? – ошарашенно спрашивает она, глядя, как я открываю дверь с ее стороны. Она сопротивляется, что заставляет меня вновь взяться за пистолет. Пока она не сделала того, что всерьез выведет меня из себя, заклеиваю ей рот лентой и произношу:

– Я же просил тебя заткнуться по-хорошему.

Теперь она молчит.

Возвращаюсь на место и выезжаю на трассу, сосредоточенно глядя перед собой. Под колесами шуршит гравий.

Через сотню миль она пытается объяснить мне, что хочет в туалет.

– *Что?* – поворачиваюсь к ней и берусь за пистолет.

Близится рассвет. Она ерзает на сиденье. В глазах немая мольба и нетерпение. Срываю липкую ленту, и она тихо стонет. Да, ей больно. Ей чертовски больно.

Отлично. Я научу ее молчать и слушаться, когда велю заткнуться.

– Мне нужно в туалет, – испуганно бормочет она.

Мы сворачиваем к стоянке для грузовиков где-то недалеко от О-Клэр. Над фермами на востоке поднимается солнечный диск. Вдоль дороги пасутся коровы голштинской породы. День будет солнечным, но все же чертовски холодно. Октябрь. Деревья меняются на глазах.

На стоянке я медлю, раздумывая. Машин почти нет, замечаю лишь старый проржавевший универсал с наклейками на политические темы и примотанным липкой лентой бампером. Все же сердце начинает биться сильнее. На всякий случай кладу пистолет в задний карман штанов. Не могу сказать, что не думал ни о чем подобном раньше, я просчитывал многие варианты. Но, если бы все пошло по плану, девочка была бы сейчас у Далмара. Надо постараться забыть о том, что я сделал. Заранее я ничего такого не планировал. Если все получится, то первое, что нам понадобится, – это деньги. У меня есть с собой немного, но надолго их не хватит. Перед тем как уйти из квартиры, я вытащил все из ее кошелька. Кредитки отпадают. Достая из бардачка нож.

– От меня ни на шаг. И не глупи. – Предупреждаю, что в туалет она зайдет только после того, как я все проверю. И разрешу. Перерезаю веревки. Запихиваю их в карман куртки.

Выходящая из машины девушка выглядит глупо в такую погоду. Рукава ее тонкой измятой блузки даже не прикрывают запястья. Она скрещивает руки на груди и дрожит от холода. Она идет опустив голову, не отрывая взгляд от гравия, и волосы падают ей на лицо. Замечаю синяки на ее руках и глупую китайскую татуировку с внутренней стороны.

Из всех служащих всего одна женщина и ни одного клиента. Все, как я и предполагал. Обнимаю рукой свою спутницу и притягиваю к себе, пусть думают, что мы любовники. Она ступает неуверенно, не попадая в такт моих шагов. Едва удерживаю ее, чтобы не упала, и многозначительно смотрю в глаза, призывая вести себя прилично. В скрепивших нас объятиях нет и намек на интимность, они выражают скорее силу и властность. Девушка все понимает, но не женщина за стойкой.

Захожу в туалет, проверяю, действительно ли там никого нет. Внимательно оглядываю стены, чтобы удостовериться, что девчонка не выпрыгнет в окно, когда я оставлю ее одну. Женщина за стойкой смотрит на меня с удивлением и подозрением. Объясняю ей, что моя подружка много выпила. Кажется, она мне верит.

Девчонка не выходит так долго, что я опять захожу внутрь. Она стоит перед зеркалом и плещет водой в лицо. Затем долго смотрит на свое отражение.

– Пошли, – не выдерживаю я.

Подхожу к стойке и беру несколько конвертов. Собираюсь за них заплатить, но женщина по ту сторону увлечена просмотром какого-то фильма семидесятых годов по телевизору с двенадцатидюймовым экраном. Оглядываюсь в поиске камер. К счастью, их нет.

Достаю из кармана пистолет и велю девчонке вытащить деньги из кассы.

Не знаю, кто из нас напуган больше. Она замирает и поднимает на меня испуганные глаза. Вот я уже стою, приставив пистолет к седым волосам женщины неопределенного возраста. Получается, девчонка свидетель. И соучастник. Она почти шепотом спрашивает, что я делаю. Потом опять и опять, уже громче.

– Что ты делаешь?! – кричит она.

Велю ей заткнуться.

Женщина молит сохранить ей жизнь.

– Прошу, не убивайте меня. Пожалуйста, отпустите.

Подталкиваю девчонку вперед. Она открывает кассу и начинает перекладывать купюры в пластиковый пакет с нарисованной на ней рожицей и надписью «Желаем приятного дня». Приказываю ей подойти к окну и проверить, не появился ли кто на улице. Она кивает покорно, как послушный ребенок.

– Нет, – произносит она, – никого, – и сквозь слезы спрашивает: – Что ты делаешь?

Ткнув женщину пистолетом, велю ей встать.

– Пожалуйста, пожалуйста, отпустите меня.

– Железки тоже давай, – говорю я. Их тут очень много. – Марки есть?

Ее руки проворно открывают ящик.

– Ничего не трогай, – предупреждаю я. – Просто скажи, есть марки? – Мне отлично известно, что в таких ящиках устанавливают тревожные кнопки.

Женщина всхлипывает:

– Они в ящике. Пожалуйста, не убивайте меня. – Рассказывает мне о внуках. У нее их двое: мальчик и девочка.

Я даже расслышал имя – Зельда. Что за имя такое – Зельда? Нахожу марки в ящике, кидаю их в пакет и передаю его девчонке:

– Возьми. Встань там и держи пакет.

Направляю на нее пистолет только для того, чтобы она поняла, что я говорю серьезно. Она вскрикивает так, будто я действительно собираюсь выстрелить.

Достаю из кармана веревку и привязываю женщину к стулу. На всякий случай выстреливаю в телефонный аппарат. Обе женщины визжат как сумасшедшие. Не желаю, чтобы сразу после нашего ухода она позвонила копам.

Рядом с входной дверью лежит стопка толстовок. Подхватываю одну и швыряю девчонке, чтобы надела. Надоело смотреть, как она трясется от холода. Она натягивает ее через голову,

и я вижу самую отвратительную вещь из всех существующих в этом мире. На груди написано: «Л'Этуаль дю Норд». Что это значит, черт возьми?

Беру на всякий случай еще пару, двое штанов – похожих на кальсоны – и носки. Под конец прихватываю еще два несвежих пончика в дорогу.

Наконец мы уходим.

В машине я первым делом связываю девочку. Она до сих пор плачет. Говорю, что у нее два пути: или она замолкает сама, или я ей помогу. Она косится на липкую ленту на панели и успокаивается. Теперь она знает, что я не люблю болтать попусту. Беру конверты и пишу адрес, кладу в каждый столько денег, сколько умещается, остальные распихиваю по карманам. На дороге нам вскоре попадается почтовый ящик, и я бросаю в него конверты. Девушка смотрит на меня с немим вопросом в глазах, но не решается спросить, что я делаю, а я ничего не объясняю.

Перехватив ее взгляд, вздыхаю.

– Ни о чем не беспокойся. – А про себя думаю: «Не твоего это ума дело».

Вариант, конечно, не самый лучший, но сейчас другого у меня нет.

Ева. После

Я уже привыкла, что у моего дома постоянно дежурят полицейские машины. В них днем и ночью находятся по два человека в форме, охраняющие Мию. Они сидят на передних сиденьях, пьют кофе и поедают бутерброды, купленные в супермаркете неподалеку. Смотрю на них из окна спальни, раздвинув рукой рейки жалюзи. Они кажутся мне школьниками, им точно меньше лет, чем моим собственным детям, а у них есть дубинки, пистолеты и бинокли, в которые они оглядывают дом и меня. Убеждаю себя, что они не видят, как каждый вечер в тусклом свете ночника я переодеваюсь во фланелевую пижаму, впрочем, я не очень в это верю.

Мия каждый день, не обращая внимания на холод, сидит на веранде и смотрит на сугробы снега, образовавшие ров вокруг дома. Она поднимает голову и рассматривает верхушки раскачивающихся на ветру дремлющих деревьев. Кажется, она не замечает ни полицейскую машину, ни четырех человек, не сводящих с нее глаз. Я умоляла ее не выходить за пределы веранды, и она соглашается, хотя все же иногда спускается с крыльца, выходит на дорогу и идет к дому мистера и миссис Пьютер или Дональдсон. Тогда одна машина движется за ней следом, а кто-то из офицеров бежит ко мне. Я несусь, забыв переобуться, чтобы остановить дочь.

– Мия, дорогая, куда ты? – повторяю я каждый раз и хватаю ее за рукав рубашки.

Мия никогда не надевает пальто, и руки ее ледяные от холода. Она не знает, куда идет, но каждый раз покорно соглашается вернуться со мной в дом. Я благодарю офицера за заботу, веду дочь в кухню и пою теплым молоком. Мия ежится и послушно пьет, потом каждый раз говорит, что хочет прилечь. Последнюю неделю она неважно себя чувствует и много времени проводит в постели.

Сегодня по какой-то причине она замечает полицейские автомобили. Собравшись на первый сеанс гипноза к доктору Родос, мы выезжаем из гаража, и тут наступает момент просветления.

– Что они здесь делают? – спрашивает дочь.

– Охраняют нас, – осторожно отвечаю я. Не стоит говорить, что они охраняют *ее*, ведь она может разволноваться, поняв, что в этом есть необходимость.

– От кого? – не унимается Мия и поворачивается, чтобы разглядеть полицейских.

Одна машина движется за нами. Вторая остается у дома, чтобы наблюдать за ним в наше отсутствие.

– Милая, тебе нечего бояться, – произношу я вместо ответа на вопрос.

Она успокаивается и смотрит в окно, кажется мгновенно забыв об эскорте.

Мы едем по улице. Вокруг тихо и безлюдно. Дети вернулись в школы после зимних каникул и больше не играют перед домом, не лепят снеговиков и не бросаются снежками, что обычно сопровождается шумом, смехом и криками. Рождественские огни потушены, надувные Санта-Клаусы лежат, погребенные под толщей снега. В этом году Джеймс не позаботился оформить дом к празднику, хотя я на всякий случай подготовила все заранее. На всякий случай. Вдруг Мия вернется домой, и у нас будет повод устроить веселье.

Она дала согласие на лечение гипнозом. Долго уговаривать ее не пришлось. Сейчас Мия соглашается почти со всем. Джеймс был против; он считает гипноз шарлатанством, так же как и хиромантию, и астрологию. Я готова верить во все, что сможет помочь. Даже если Мия вспомнит лишь секунду из проведенных неизвестно как месяцев, это все равно будет стоить тех огромных расходов и многих часов в приемной доктора Родос. Всего неделю назад мои знания о гипнозе были весьма скудными. После ночного исследования вопроса в Интернете я стала более подготовленной. Гипноз, как я поняла, расслабляет человека, погружая в состояние, напоминающее сон наяву. Это поможет Мии раскрепоститься, вернуться в этот мир, чтобы с помощью врача вспомнить то, о чем она забыла. Под гипнозом человек очень внушаем,

также он способен вытащить все, что спрятано в закромах памяти. Доктор Родос будет работать непосредственно с подсознанием Мии, с тем участком мозга, что скрывает важную информацию. Цель в том, чтобы погрузить дочь в состояние глубокой релаксации, тогда врач сможет с ней работать. Она попытается вернуть Мии воспоминания хотя бы об отдельных моментах из тех месяцев, что та провела в том доме, а это поможет и следствию, и исцелению дочери. Гейб отчаянно нуждается в информации, ему важны любые мелочи и детали, которые приведут к Колину Тэтчеру. Следствию необходимо установить, что именно этот человек причастен к преступлению.

По настоянию Джеймса мне разрешают присутствовать на сеансе. Он хочет, чтобы я следила за этой «психичкой», как он ее называет, доктором Родос, вдруг она попытается что-то сделать с сознанием Мии. Я сажусь в кресло, а Мия, брезгливо поморщившись, ложится на кушетку. Одну стену кабинета от пола до потолка занимают стеллажи с книгами и учебниками. На другой стороне окно, выходящее на стоянку машин. Врач опускает жалюзи, регулируя их так, чтобы внутрь проникало лишь немного света, создавая некоторое подобие интимной обстановки. В кабинете становится темно и тихо, кроме присутствующих, секреты услышат лишь стены цвета красного вина, обшитые дубовыми панелями.

В помещении немного прохладно; я запахиваю кардиган и обхватываю себя руками. Мия погружается в транс. Доктор Родос поворачивается ко мне.

– Начнем с простейших вещей, – сообщает она. – С того, что вам точно известно. Это необходимо для понимания, что метод работает.

В речи нет хронологического порядка. Все происходит совсем не так, как я предполагала. Я думала, гипноз поможет отпереть некое хранилище с информацией. Мне казалось, все воспоминания Мии будут вытащены на свет, упакованы в старинный персидский ковер, чтобы потом быть расшифрованными вместе с доктором Родос. Мия может находиться под гипнозом ограниченное время – не более двадцати минут, – поэтому, как только дверь открывается, доктор Родос начинает действовать, словно пытается вытащить кремовую начинку, не повредив рассыпчатое печенье.

Ей удается добыть лишь крохи: бревенчатый дом в лесу, треск динамиков в машине, звуки «К Элизе» Бетховена, пятнистая шкура лося.

– Кто сидит в машине, Мия?

– Не могу сказать точно.

– Вы тоже там сидите?

– Да.

– За рулем?

– Нет.

– А кто ведет машину?

– Не знаю. Очень темно.

– Который час?

– Раннее утро. Солнце только встает.

– Вы видите это в окно?

– Да.

– А звезды вы видите?

– Да.

– А луну?

– Да.

– Она полная?

– Нет. – Качает головой. – Только половинка.

– Вы знаете, где находитесь?

– На трассе. Дорога неширокая. Две полосы. Вокруг лес.

– Вы видите другие машины?

– Нет.

– Видите названия улиц?

– Нет.

– Вы что-то слышите?

– Работает радио. Мужчина что-то говорит. Но я не понимаю что.

Мия лежит на кушетке, скрестив вытянутые ноги. Впервые за последние две недели я вижу дочь в таком расслабленном состоянии. Руки скрещены на голом животе – короткий свитер приподнялся выше пояса. Поза напоминает мне покойника в гробу.

– Вы слышите, что говорит мужчина? – Доктор Родос сидит в кресле рядом с кушеткой. Эта женщина выглядит идеально: ни морщинки на одежде, ни один волос не выбивается из гладкой прически. Голос ее звучит так монотонно, что мне самой хочется спать.

«Температура сорок градусов. Солнечно...»

– Прогноз погоды?

– Диджей на радио. И треск... Один динамик плохо работает. Сзади.

– За вами кто-то сидит, Мия?

– Нет. В машине только мы.

– Мы?

– Я вижу в темноте его руки. Он ведет машину, крепко держась за руль обеими руками.

– Что вы еще можете о нем рассказать?

Мия качает головой.

– Вы видите, во что он одет?

– Нет.

– Но ведь руки вы видите?

– Да.

– Он носит украшения – часы, кольца?

– Не знаю.

– А что вы можете сказать о его руках?

– Они грубые.

– Вы уверены? Считаете, его руки грубые?

Я вздрагиваю, вслушиваясь в каждое сказанное дочерью слово. Я знаю, что Мия – та Мия, какой она была до встречи с Колином, – не хотела бы, чтобы я слышала этот разговор.

Она молчит, не отвечает на последний вопрос.

– Он сделал вам больно, Мия?

Она вздрагивает и отворачивается, но доктор Родос настойчива.

– Он сделал вам больно, Мия? В машине, может, раньше? – Молчание. Доктор Родос продолжает: – Что вы можете рассказать о машине?

Вместо ответа Мия бормочет:

– Этого не... не должно... не должно было случиться.

– Чего, Мия? Чего не должно было случиться?

– Все неправильно. – Слова путаются, сознание выплескивает обрывочные воспоминания.

– Что – неправильно, Мия? – Нет ответа. – Мия, скажите, что неправильно? Что-то с машиной? Все дело в машине?

Мия молчит. Кажется, она больше ничего не скажет. Потом она резко втягивает воздух и произносит:

– Я сама во всем виновата. Сама.

Мне с трудом удается усидеть на месте и не броситься к моей девочке. Мне хочется обнять ее и сказать, что это не так, она ни в чем не виновата. Я вижу, как черты ее лица становятся жестче, пальцы сжимаются в кулаки.

– Я сама все сделала.

– Вашей вины в этом нет, Мия, – вступает врач. Ее голос спокойный и терпеливый, я же сжимаю подлокотники кресла, чтобы не позволить себе встать. – Вы не виноваты.

Позже, когда сеанс уже окончен, доктор объясняет мне, что жертвы преступлений нередко винят в произошедшем себя. Она говорит, что так бывает с жертвами насилия, пятьдесят процентов пострадавших уверены, что во всем виноваты сами. Например, потому, что вызывающе оделись. Мия, по словам врача, столкнулась с явлением, которое много лет изучается психологами и социологами: самообвинение.

– Самообвинение, разумеется, может быть разрушительным, когда достигает высшей степени. – Пока мы разговариваем, Мия ждет меня в приемной. – Но оно также может помогать жертвам стать в будущем менее уязвимыми. – Она говорит так, словно я должна испытать облегчение.

– Мия, что еще вы видите? – продолжает доктор Родос, когда та успокаивается.

Дочь изначально не расположена к общению.

– Мия, что еще вы видите? – повторяет врач.

На этот раз она отвечает:

– Дом.

– Расскажите мне о нем.

– Он маленький.

– Что еще?

– Деревянный настил. По нему можно пройти в лес. Дом прямоугольный. Длинный. Бревенчатый. Из темного дерева. Он почти не виден за деревьями. Очень старый. Все в нем старое – мебель, утварь.

– Опишите мебель.

– Продавленный диван. Синий с белым. В доме все неудобное. Деревянное кресло-качалка. Стол на расшатанных ножках. На нем клеенка, такие берут на пикники. Люстра, которая почти не освещает комнату. Половицы скрипят. Плохо пахнет.

– Чем?

– Нафталином.

Вечером, когда мы сидим в кухне, Джеймс спрашивает, при чем здесь нафталин. Отвечаю, что это прогресс, хоть и маленький. Это начало. Вчера Мия не помнила и этого. Я сама разочарована, полагала, что одного сеанса будет достаточно, чтобы моя дочь выздоровела. Доктор Родос почувствовала мое настроение и, когда я выходила из ее кабинета, сказала, что мы должны быть терпеливы, что спешка в данном случае принесет Мии больше вреда, чем пользы. Джеймс в это не верит, считает лишь поводом выкачать из нас побольше денег. Он достает из холодильника пиво и уходит в кабинет работать, а я начинаю убирать тарелки после ужина, отмечая, не первый раз за неделю, что Мия так и не притронулась к еде. Разглядываю спагетти и думаю о том, что они всегда были ее любимым блюдом.

Составляю список и заново в него все, сказанное Мией: грубые руки или, например, прогноз погоды. Всю ночь ищу в Интернете любую полезную информацию. В последний раз такая температура была в северной Миннесоте в сороковых годах в последнюю неделю ноября, хотя на День благодарения было около тридцати – сорока градусов. Затем в районе двадцати и вряд ли уже будет сорок. Полумесяц был на небе 30 сентября, 14 октября и 29-го, хотя Мия не уверена, что это был именно полумесяц, поэтому даты могут быть и другими. Лоси часто встречаются в Миннесоте, особенно зимой. Бетховен написал «К Элизе» приблизительно в

1810 году, хотя это должна была быть не Элиза, а Тереза, так звали женщину, на которой он женился в то же время.

Прежде чем лечь, прохожу мимо комнаты дочери. Приоткрываю дверь и смотрю на нее, растянувшуюся по диагонали на кровати, одеяло отброшено в сторону, на самый край, вскоре оно будет одиноко лежать на полу. Меня приветствует луна, пролившая свет на лицо Мии; он растекается ниже, заливая пижаму цвета баклажана, освещая согнутую в колене ногу, подтянутую к груди, и одну из подушек под ней. Пожалуй, это первая ночь, когда Мия спокойно спит. Медленно подхожу и поднимаю край одеяла. Склоняюсь ниже, лицо ее безмятежно, значит, спокойна и душа; моя милая девочка уже давно стала молодой женщиной, но мне она все еще видится маленькой. Видеть Мию в этом доме, рядом со мной так прекрасно, что кажется нереальным. Я могла бы просидеть у ее постели всю ночь и убеждать себя, что это не сон, мираж не рассеется, когда я проснусь утром, Мия – или Хлоя – будет рядом.

Устроившись в постели рядом с потеющим под теплым одеялом Джеймсом, я принимаюсь размышлять, что полезного в этой информации – прогноз погоды и фазы луны. Все же я спрятала распечатанные листы в папку, где хранятся значения имени Хлоя. Сама не знаю почему, но я убеждаю себя, что мне важна любая, даже обрывочная информация, если она поможет мне понять, что произошло с моей дочерью в бревенчатом домике в Миннесоте.

Колин. До

Вокруг одни деревья. Много деревьев. Сосны, ели и мох. Иголочки держатся крепко, образуя густую хвою, а рядом дубы и вязы медленно теряют жухлые листья. Сегодня среда. Ночь наступила и прошла. Выезжаем на большую дорогу и несемся вперед. На каждом повороте она держится за сиденье. Конечно, я могу притормозить, но не хочу, надо добраться скорее. Дорога почти пуста. Изредка нам попадается очередная машина с туристами, которые едут значительно медленнее предельной скорости, чтобы полюбоваться окрестностями.

Давно не видно ни заправки, ни «Север-Элевен». На протяжении многих миль лишь маленькие придорожные магазинчики. Девушка молча смотрит в окно. Наверное, думает, что мы уже в Тимбукту. Меня она ни о чем не спрашивает. Может, представляет, где мы. Может, ей просто все равно.

Мы едем все дальше на север, в самый отдаленный район Миннесоты. Машин становится совсем мало, на дорогах появляются выбоины. Из-за них нас бросает вверх-вниз, и я проклинаю каждую яму. Только не хватало, чтобы спустило колесо.

Я бывал здесь и раньше, знаю владельца домика в центре этой пустыни. Покрытый опавшими листьями и ветками, скрытый кронами деревьев, дом почти неразличим на расстоянии. Деревья сейчас – лишь пучок костлявых веток.

Разглядываю избушку и думаю, что она осталась такой же, какой была во времена моего детства. Длинный дом с видом на озеро. Воды его даже с берега выглядят холодными. На деревянном настиле пластиковые стулья и мангал. Мир замер, мы одни во многих милях от всех.

Именно это нам сейчас и нужно.

Останавливаюсь и выхожу. Вытащив из машины монтировку, направляюсь к дому. Он выглядит заброшенным, но я все же обхожу его и прислушиваюсь, стараясь уловить малейшие звуки, говорящие о присутствии человека. На оконных стеклах темные тени. Никого.

Вернувшись к машине, открываю дверь.

– Пошли, – говорю я девушке. Наконец она выбирается и преодолевает расстояние в дюжину шагов до крыльца. – Шевелись.

Меня не покидает ощущение, что за нами следят. Громко стучу и жестом велю девчонке замолчать. Становится тихо. Решив, что мы все же одни, выламываю монтировкой дверь. На удивленный взгляд девушки отвечаю, что потом ее почию, а пока подпираю доской, чтобы не распахнулась. Девушка вжимается в стену из толстых сосновых бревен и оглядывает комнату. Уродливый старый диван, красный пластмассовый стул – никчемное пятно в центре, – печь, давно не топленная и совершенно холодная. На стене черно-белые фотографии дома, когда он был только построен. Я помню, как хозяин рассказывал мне, что сто лет назад, прежде чем начать строительство, люди выбрали это место вовсе не из-за красивого вида, а по той причине, что густой лес на востоке хорошо защищал от ветра. Он говорил так, будто мог прочесть мысли тех, кто уже давно лежал в могиле. Помню, как тогда смотрел ему в лицо и думал, что он полный идиот.

В кухне глиняного цвета посуда, на полу потертый линолеум, на столе выцветшая клеенка.

По углам развешана паутина, на подоконнике – высохшие трупики жучков и насекомых.

– Привыкай, – говорю я, заметив отвращение и ужас в ее глазах. Конечно, дом судьи никогда так не выглядел.

Щелкаю выключателем и проверяю воду. Ничего. Прежде чем уехать, хозяин утеплил дом и подготовил к зиме. Я давно с ним не общался, но следил, как он живет. Я знаю, что его брак распался, что он был арестован год назад за вождение в нетрезвом виде. Знаю, что пару

недель назад собрал свои вещи, как делал каждую осень, и отправился в Уинону, где работал на очистке дорог от снега и льда.

Выдергиваю телефон из розетки и, найдя в кухонном ящике ножницы, перерезаю провод. Девушка по-прежнему стоит у двери, не сводя глаз с клетчатой клеенки. Да, не сказать, что она красивая. Открываю дверь и выхожу на улицу по нужде. Когда я возвращаюсь, нахожу ее в той же позе, она все таращится на стол.

– Может, лучше сделаешь что-нибудь полезное, например огонь разожжешь? – не выдерживаю я.

Она упирается руками в бока и поворачивается ко мне. На нее невозможно смотреть в этой ужасной толстовке с заправки.

– А почему бы тебе самому этим не заняться? – произносит она, но голос ее дрожит, как и руки, и все тело. Она не так бесстрашна, как хочет казаться.

Выхожу и возвращаюсь с тремя поленьями, которые бросаю к ее ногам. От неожиданно-сти она подпрыгивает. Вручаю ей спички, которые она роняет на пол, и они рассыпаются. Велю ей все собрать, но она делает вид, что не слышит меня.

Надо еще раз ей объяснить, что я тот же самый человек, что сидел рядом с ней за рулем. Вытаскиваю пистолет и приставляю ко лбу, глядя прямо в красивые голубые глаза.

– Ты не прав, – шепчет она.

Говорю ей, чтобы собрала спички и разожгла огонь. Может, я действительно поступил неверно? Надо было передать ее Далмару, как и договаривались. О чем я думал? Чего ждал от этого поступка? Глупо полагать, что мне будут благодарны. Девчонка смотрит на меня и не шевелится. В глазах вызов. Решила проверить, убью ли я ее?

Делаю шаг и прижимаю пистолет.

Наконец она сдается. Присев, начинает дрожащими руками подбирать рассыпанные спички – одну за другой, одну за другой – и складывать в картонную коробочку. Я стою рядом, наведя на нее пистолет, когда она чиркает спичками, пытаюсь поджечь бумагу. Она опалит все пальцы, прежде чем займется пламя. Время от времени она подносит руки к губам и начинает пробовать снова. Еще раз. И еще. Она знает, что я слежу за ней. Руки трясутся уже так сильно, что спички вот-вот вывалятся.

– Давай я.

Она вздрагивает. Я быстро разжигаю огонь и осматриваю кухню в поисках еды. Ничего. Нет даже открытой пачки засохших крекеров.

– И что теперь? – спрашивает она, но я не отвечаю. – Зачем мы сюда приехали?

Я молча обхожу кухню еще раз. Просто так. Воды нет – отключена на зиму. Конечно, я могу все исправить. Это дает надежду. Хозяин всегда консервирует дом до весны, потом он возвращается и живет здесь полгода, как отшельник.

Она начинает ходить туда-сюда, к входной двери и обратно, словно ждет, что кто-то войдет и убьет ее. Приказываю ей сесть. Она останавливается в нерешительности, но наконец выбирает красный стул и усаживается. Она ждет. В этом есть некая символичность, смотреть, как она сидит, сложив руки на коленях, и ждет, когда закончится ее жизнь.

Наступает ночь, за ней утро. Никто из нас так и не смог уснуть.

Зимой в избушке будет холодно. Она не предназначена для проживания после 1 ноября. Печь – единственный источник тепла в доме. В сортир залита жидкость против замерзания. Электричество было отключено, но вечером я все наладил. Нашел щиток и включил рубильник. Мне кажется, я слышал, как девушка истово благодарит Бога за то, что наконец вспыхнула тусклая лампочка в двадцать пять ватт. Я обошел дом по периметру еще раз, проверил сарай, в котором хранилась куча никому не нужного хлама и несколько вещей, которые еще могут пригодиться. Например, коробка с инструментами.

Вчера я сказал девочке, чтобы писала на улице, у меня не было сил возиться с туалетом. Теперь я смотрю в окно, как она медленно спускается по лестнице с крыльца, подходит к дереву и снимает брюки. Она думает, что я ее не вижу. Листва в качестве туалетной бумаги ее не устраивает, она решает подождать, пока на ветру все само высохнет. Пописать она выходила лишь раз.

Сегодня я нашел вентиль и открыл воду. Сначала она брызжет во все стороны, потом начинает течь нормально. Отлаживаю туалет. Теперь в доме все работает. Мысленно составляю список необходимых вещей: изоляционная лента, герметик для труб, туалетная бумага, еда.

Эта девушка с претензиями. Чопорная, высокомерная. Прямо примадонна. Она старается держаться от меня подальше не только потому, что напугана, но и потому, что считает меня недостойным ее общества. Она сидит на уродливом красном стуле и смотрит в окно. На что? Ни на что. Просто смотрит перед собой. С самого утра она произнесла не больше пары слов.

– Пошли. – Велю ей садиться в машину. – Мы уезжаем.

– Куда?

У нее нет желания никуда ехать. Она предпочитает остаться здесь, у этого чертова окна, сидеть и считать падающие на землю листья.

– Увидишь.

Ей страшно. Ее пугает неизвестность. Не двинувшись с места, она смотрит на меня, вскинув голову, с напускной смелостью, хотя мы оба знаем, что ей чертовски страшно.

– Ты ведь хочешь есть, правда?

Конечно хочет.

Поэтому мы выходим на улицу, садимся в машину и едем в Гранд-Марей.

Мысленно составляю план действий: надо срочно убираться из страны. Девчонку я оставляю здесь. Она будет только мешать. Куплю билет в Зимбабве, Саудовскую Аравию или в другое место, где меня не выдадут. «Я скоро уеду, – говорю я себе. – Очень скоро. Свяжу ее и помчусь в Миннеаполис, сяду в самолет, прежде чем она успеет все рассказать Интерполу».

Я объясняю ей, что на людях не могу называть ее Мия. Очень скоро все патрульные будут знать о ее исчезновении. Хорошо бы оставить ее в машине, но я не могу. Вдруг сбежит. Надеваю на нее свою бейсболку и велю не поднимать головы и никому не смотреть в глаза. По-моему, это должно быть и так ясно. Теперь она будет большим специалистом по гравию. Спрашиваю, как мне ее называть. Поразмыслив несколько мгновений, она предлагает имя Хлоя.

Меня самого никто не будет искать. Всем наплевать. Если не выйду на работу, решат, что мне лень и я прогуливаю. Друзей у меня нет.

Позволяю ей выбрать суп на обед – куриную лапшу. Ненавижу его, но сейчас мне все равно. Мы покупаем двадцать банок. Куриный суп, томатный, еще мандарины и кукурузу в сливочном соусе. Все, что необходимо для нормального существования. До нее что-то доходит, и она спрашивает:

– Я так понимаю, ты не собираешься меня убивать.

Я киваю, но не сразу, только после того, как доедаю кукурузу.

Днем я решаю вздремнуть. Все эти дни мне не удавалось нормально поспать, лишь ухватить час то там, то тут, а все ночи я лежал без сна, представляя, что буду делать, если в дверях появится Далмар. Все время приходится быть начеку. Проходя мимо окна, я каждый раз проверяю, что происходит на улице. У меня появилась привычка оглядываться. Дверь я забаррикадировал, окна, к моей радости, какой-то идиот так замазал краской, что они не открываются. Мне кажется, девочка не попытается сбежать. Не похоже, что у нее такие планы. Немного расслабившись, я оставляю ключи от машины на видном месте, ведь, в сущности, ей больше ничего не нужно.

Я крепко сплю на диване, сжимая в руке пистолет, когда хлопает входная дверь. Через минуту я уже на ногах и понимаю, что происходит. Девчонка спускается с нижней ступеньки. С ревом и проклятиями выбегаю на улицу. Хромая, она добегает до машины, забирается в салон, но не может завести двигатель. Я слежу за ней через лобовое стекло. Вижу, как, сжав кулаки, она ударяет по рулю. Подхожу ближе. Она в отчаянии. Теперь переползает на пассажирское сиденье, открывает дверь, решив скрыться в лесу. Она действует быстро, но я проворнее. Сухие ветви царапают ей ноги и руки. Споткнувшись, она падает лицом в листву. Встает и продолжает бежать. Вскоре она устает и переходит на шаг. Все это время она кричит, умоляя меня оставить ее в покое.

Как она меня достала.

Я хватаю ее за волосы. Ноги еще продолжают автоматически двигаться, но голова клонится назад. Наконец она падает на землю, и я накрываю ее своим весом в двести с лишним фунтов. Она рыдает, просит не делать ей больно, но меня уже не остановить. Она плачет, слезы катятся по щекам, смешиваясь с кровью и грязью.

Она просит прощения. Извивается подо мной. Уверен, в одно мгновение у нее перед глазами пронеслась вся жизнь. Говорю ей, что она дура, приставляю дуло к виску и взвожу курок.

Она замирает, словно в одну секунду ее парализовало.

Надавливаю сильнее, и на коже остается вмятина. Я могу закончить все в одну секунду. Ее жизнь может оборваться в любое мгновение по моей воле.

Она точно дура. Мне с большим трудом удается убедить себя не нажимать на спусковой крючок. Я смог. Я сохранил ей жизнь. Кто мог подумать, что эта идиотка соберется бежать? Я изо всех сил давлю на пистолет. Девушка кричит.

– А ты не знала, что будет больно?

– Пожалуйста... – хнычет она, но я не слушаю.

Встаю, удерживая ее за волосы. Она орет во весь голос.

– Заткнись, – приказываю я и тащу ее. – Вставай, – говорю я. Ноги, кажется, ее не слушаются. – Поднимайся.

Можно ли представить, что бы сделал со мной Далмар, если бы нашел? Пуля в лоб – это слишком просто. Меня бы распяли. После страшных пыток, конечно.

Заталкиваю ее в дом и захопываю за собой дверь. Ударившись о стену, она опять открывается. Закрываю плотнее и приставляю стол. Девчонку я веду в спальню и предупреждаю, что, если услышу от нее звук громче дыхания, она никогда больше не увидит солнечный свет.

Гейб. До

Я опять еду в центр города, четвертый раз за неделю, но надеюсь на этот раз получить компенсацию за все мили, что остались под колесами моей машины. Мне надо проехать всего-то десять миль в одну сторону, но из-за чертовых пробок трачу на это полчаса. По этой причине я и не живу в городе. После того как я дюжину раз проезжаю мимо пересечения Лоуренс и Бродвея, не найдя и свободного ярда, решаю раскошелиться и заплатить пятнадцать долларов за парковку.

Бар будет закрыт еще несколько часов. В надежде, что мне повезет, стучу в окно. Внутри вижу уборщика, который делает вид, будто не замечает меня. Стучу снова и снова, он наконец поворачивается, и я показываю ему талон.

Он открывает дверь.

В баре непривычно тихо. Лишь тусклый свет редких солнечных лучей пробивается сквозь грязные стекла. В помещении пыльно и пахнет застоявшимся табачным дымом. Обычно этого не замечаешь, когда настроение поднимается от джазовой мелодии и интимной атмосферы, созданной волшебным пламенем свечей.

– Мы открываемся в семь, – сообщает парень.

– Кто здесь главный?

– Он перед вами. – Мужчина разворачивается и уходит за стойку.

Я достаю из кармана фотографию Мии Деннет, ту, что предоставила мне на прошлой неделе Ева Деннет.

Я обещал ей, что она останется в целостности и сохранности, и сейчас ругаю себя – уголок уже замялся. Для миссис Деннет это фото чрезвычайно ценно. По ее словам, на нем Мия в точности такая, как в жизни, – своевольная молодая женщина с грязными и слишком длинными светлыми волосами, лазоревого цвета глазами и простой открытой улыбкой. За ее спиной Букингемский фонтан. Брызги, разносимые порывистым чикагским ветром, летят на нее, заставляя по-детски веселиться.

– Вы видели раньше эту женщину? – спрашиваю я и кладу фото на стойку.

Он берет его в руки, чтобы лучше разглядеть. Прошу его быть внимательным, хотя вижу, что он сразу ее узнал. Он определенно знает Мию.

– Она часто здесь бывает, почти всегда сидит вот там. – Он кивает на диван за моей спиной.

– Вы с ней разговаривали?

– Да. Когда она заказывала выпивку.

– И все?

– И все. А что случилось?

– Она была здесь в прошлый вторник? Около восьми?

– Какой вторник, друг, я с трудом вспомню, что ел сегодня на завтрак. Точно могу сказать только одно – она часто здесь бывала. – Хозяин возвращает мне фотографию.

Я морщусь, когда он называет меня «друг». Это ведь не так.

– Детектив, – говорю я.

– А?

– Детектив Хоффман. Я тебе не друг. – И затем спрашиваю: – Можешь сказать, кто работал в тот вечер?

– А что случилось? – опять интересуется он.

Прошу его не беспокоиться и ответить на вопрос. На всякий случай повторяю его, но уже более суровым тоном, чтобы до парня точно дошло. Мое поведение ему явно не нравится. Он может выставить меня, если пожелает, проблема лишь в одном: у меня есть пистолет.

Кивнув, парень удаляется в заднюю комнату и отвечает, когда вновь появляется за стойкой:

– Скоро придет Сара.

– Сара?

– Вам надо с ней поговорить. Она обслуживала тот стол во вторник вечером. – Он тычет пальцем в сторону. – Она будет здесь через час.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.